

Томъ XXI (годъ 11-й). 50 номеровъ въ годъ. № 17. Выходить по четвергамъ. 2го мая 1868 г.

Годовая цена съ доставкой въ Петербургъ 7 руб., съ пересылкою во все города 8 руб., на полгода 5 руб.

Отдѣльные номера газеты продаются въ конторѣ по 15 коп.; съ пересылкою и комисонеромъ по 20 коп.

Письма и посылки адресуются: въ редакцію «Иллюстрированной Газеты» В. Р. Зотову, Литейная, № 38-й.

СОДЕРЖАНИЕ: Станиславъ Пилатъ. — Внутреннее образование. — Польша. — Старосветская пин-жигонка. — Маневръ въ Альмауъ, картина Пилата. — Берта Шуревель. — Обозръ Григорьевъ Волковъ. — Я. Г. Бранский. — Газель Велли. — Яковлевъ. — Дитеррейский. — Переврава черезъ рѣку на холмахъ. — Задачи общаго

эпизодовъ. — Базры. — Некарна въ Александровскомъ скверѣ. — Норвежскій кухонный свѣтъ. — Досѣдливый для польской монархи. — Кореспонденція «Иллюстрированной Газеты» изъ Тивалса. — Орсей, Гюлка, на русской сценѣ. — Неполокъ. — Отдѣлы редакціи. ПИСУМКИ: Станиславъ Пилатъ. — Маневръ въ Аль-

мауъ, картина Пилата. — А. С. Яковлевъ. — Я. Г. Бранский. — Газель Велли. — Г. Волковъ. — Н. А. Дитеррейский. — Переврава черезъ рѣку на холмахъ. — Предостереженіе изъ домовъ и свѣтов. — Песня въ Александровскомъ скверѣ. — Норвежскій кухонный свѣтъ. — Корреспунда.

Станиславъ Пилатъ.

Почти одновременно съ Ваглицевичемъ умеръ въ прекрасныхъ годахъ Станиславъ Пилатъ, принадлежавшій къ той литературной партіи, которая еще чтила память своихъ первыхъ руководителей — Яна Камскаго и Валентина Хвандовскаго.

Станиславъ Пилатъ родился въ Красновѣ, въ 1802 году. Окончивъ первоначальное образованіе въ Грубешовѣ, онъ прибылъ для изученія юриспруденціи въ Львовъ. Въ то самое время прибылъ туда и Винцентъ Поль изъ Люблина. Между молодыми людьми, на которыхъ ссылались, завязалась близкая дружба, неохладившая до последнихъ дней. Между тѣмъ, какъ Польша разрывалась своей политическою талантѣ, Пилатъ совершенствовалъ себя въ области строго научной.

Въ то время время въ Варшавѣ еще длилась борьба между романтиками и классицизмомъ; она отозвалась и въ Львовѣ. Валентинъ Хвандовскій привлекалъ къ себѣ всѣхъ молодыхъ писателей. Въ Львовскій съ Семивольскій возвратился къ варшавскимъ числителямъ и въ нихъ искали новыхъ началъ для возрожденія литературы. Евгений Бродскій, Балтазаръ Зорожецъ, Каменецъ Богучицъ посвятили себя научнымъ трудамъ и испытывали свои силы въ разныхъ родахъ. Въ такой средѣ и въ такое время явился въ Львовъ Пилатъ съ Пилатомъ.

Пилъ суждено было, впрочемъ, скоро разстаться; Польша перешла сперва въ тарнопольскую лезуцкую школу, потомъ, для лучшей степени академична, въ Вильно; Пилатъ избралъ карьеру педагогическую и принялъ мѣсто учителя у Яназа Сангущи. Съ вѣрными ему ученикомъ онъ побывалъ заграничьемъ, въ Итали и Франціи, гдѣ пользовался всякимъ случаемъ для развитія своихъ знаній. Вскорѣ онъ выступилъ на литературное поприще. Поводомъ къ тому послужило изданіе грамматики польскаго языка Яна Домскаго и сочиненія Магнусина Соплиа: «Wortverzeichniss der polnischen Sprache». Оба эти сочиненія Пилатъ разобралъ критически и критики его обратили на него вниманіе литературнаго міра. Въ то время Винцентъ Польша поселился окончательно въ Львовъ и началъ издавать ли-

тературный сборникъ подъ названіемъ «Заказъ». Въ этомъ сборникѣ помѣщалъ Пилатъ свои критическія статьи о польскомъ языкѣ.

По оны онъ отправился однимъ лингвистическимъ трудомъ и выискалъ сперва трагедію «Стрѣлы», хорошими стихами, а годъ спустя драму въ прозѣ «Совія Морштыновна». Онъ имѣлъ также намѣреніе написать исторіи литературы и эстетики, но оставилъ это безъ исполненія, такъ какъ предположившаяся реорганизация школы не состоялась.

Окончивъ воспитаніе молодого Сангущи, Пилатъ снова поселился въ Львовъ, и Сангущи сталъ убѣждать его основать образовательное заведеніе для городскихъ обывателей, которое, благодаря педагогическимъ способностямъ Пилата, не могло не имѣть успѣха. Рѣшившись на такое учрежденіе, для котораго необходимо было имѣть учредитель степеней, Пилатъ отаривался на время въ

Кракоевъ и, получивъ въ атеологической академіи степень доктора философіи, вернулся въ Львовъ, гдѣ и открылъ означенное заведеніе, пользовавшееся до самой смерти его почетною известностью.

Когда Пилатъ поселился въ Львовъ, доль его стажъ сборникъ писателей лучшихъ писателей и ученыхъ. На субботнихъ вечерахъ его собирались все, сколько-нибудь известныя профессора и артисты, врачи и адвокаты; ученые, приближая въ Львовъ, считали первымъ долгомъ найти путь къ знакомству съ Пилатомъ, чтобы быть допущеннымъ на его субботы.

Главнымъ предметомъ научныхъ исследованийъ Пилата была эстетика. Онъ преимущественно подписывалъ свои статьи псевдонимомъ и былъ корреспондентомъ многихъ издаваемыхъ въ Галиціи журналовъ. Когда же, во время пребыванія его въ Львовѣ, Карлъ Шапшо основалъ, въ 1852 году, новое періодическое изданіе: «Дневникъ литературы», Пилатъ сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ его, и ему поручено было вести театральныя отдѣлы. Трудно было найти лучшего театральнаго критика; въ своихъ статьяхъ онъ обнаруживалъ много знанія искусства пообщіе и снѣны въ особенности, много строгого безпристрастія. Пилатъ помѣщалъ въ «Дневникѣ» замѣчательную статью: «Взглядъ на исторію и литературу». Въ статьѣ этой развивалъ онъ ту основную мысль, что литература каждаго народа подчиняется тремъ главнымъ вліяніямъ: физическому свойству края, наземному происхожденію жителей его и, наконецъ, вліянію преемства времени. Статья эта, по оригинальности проведенія въ ней взгляда, обратила на себя всеобщее вниманіе.

Съ переходомъ «Дневника» въ другія руки — сперва Лобескаго, а потомъ Добжанскаго, направленіе и самое содержаніе журнала измѣнились, и изъ строго-научнаго сборника онъ сдѣлался собраніемъ легкихъ повѣстей и разсказовъ; поэтому, Пилатъ отказался отъ дальнѣйшаго въ немъ участія. По мысли его основано было другое періодическое изданіе: «Kolkò rodzimego», котораго редакцію приняли на себя Захаріасевичъ и Александръ Шедлеръ; Пилатъ помѣщалъ въ новомъ журналѣ свои критическія статьи и рецензіи, и,

Станиславъ Пилатъ.

между прочим, возбуждал своими статьями мысль о художественной выставке в Львове, которая, при его содействии, состоялась и была нынче высветлена описана.

Но и этот новый журнал назывался не долго: съ прекращением его, Платц снова сошел съ полей публицистики и занялся обширными трудами, обнимающими всю область эстетики или философии науки и теории красноречия. Въ этотъ трудъ Платц вводилъ въ плоть прибрѣтенныхъ имъ знаний и опытности, и довелъ его до конца, развивъ «Теорію красноречія и литературы». Сочинение это было нынѣ совершенно пригодно къ печати, но не вышло въ свѣтъ за невѣжливое средство къ изданію. Отрывки этого труда Платц помѣстивъ въ новомъ изданіи Библиотекъ Осельскихъ, предпринятомъ Августомъ Велозскимъ.

Какъ писатель драматическій, Платц былъ менѣе счастливъ. Трагедія его «Стрѣлы» и драма «Совѣя» не содержатъ ни необходимой интриги, ни выдающихся характеровъ и отличаются только гладкими стихами. Кромѣ этихъ двухъ драматическихъ произведеній, Платц написалъ много поперекъ Шувальца: «Мельникъ и Кузнецъ».

Избраннымъ членомъ городского совѣта, Платц обратилъ особенное вниманіе на плучное состояніе городского архива. Львовскій архивъ въ прежнія времена заключалъ въ себѣ множество рѣдкихъ дипломатическихъ и историческихъ документовъ, но небрежностью надзора и допущеніемъ въ архивъ безразлично всѣхъ и каждаго, прилегли его въ совершенное разстройство: часть документовъ утрачена, другая подверглась расхищенію, и наконецъ, некоторые изъ документовъ сгорѣли во время пожара въ ратушѣ. Приведеніе архива въ порядокъ и пополненіе его Платц поручилъ, подъ своимъ руководствомъ, Ваглицеву, и не могъ сдѣлать лучшаго выбора; архивъ скоро былъ приведенъ, совсѣмъ новыми старинными, въ надеждящій видъ, многие изъ утраченныхъ документовъ отысканы, другіе восстановлены и составлены всему архиву подробные указатели. Въ послѣдній годъ жизни Платца здоровье его значительно ослабло, и весною 1866 года постигъ его апоплексическій ударъ, отъ котораго ему, однако, удалось оправиться съ помощью опытныхъ врачей. Когда настало злѣешее канулярное время, онъ отправился на рѣкнѣ, въ надеждѣ укрѣпить здоровье отдыхомъ отъ уселенныхъ постоянныхъ заботъ. Но надежда эта не оправдалась. Второй ударъ онъ чувъ былъ не въ силахъ перенести, и умеръ въ Немцовой 13-го августа 1866 года.

ВНУТРЕННЕЕ ОБЗОРЪНІЕ.

Воспріеніе общинальнми и частнымъ изданіямъ помилать законоположенія и правительственнаго распоряженія, подлежащаго опубликованію чрезъ сенатъ, равнѣ начертанія оныхъ въ сенатскихъ изданіяхъ. — Его Императорское Величество, усмотрѣвъ, что ивкаторыя газеты, вопреки установленному въ основныхъ государственныхъ законахъ порядку, помѣщаютъ распоряженія и повелѣнія правительства до обнародованія ихъ чрезъ «Сенатскія Відомости», въ 14-й день марта 1868 года, высочайше повелѣть соизволилъ: 1) подтвердить повелѣніе, до сѣихъ поръ состоявшее отъ него, чтобъ общинальнми и частнымъ изданіямъ отнюдь не дозволено сенатъ помѣщать законоположенія и правительственнаго распоряженія, подлежащаго опубликованію чрезъ сенатъ, равнѣ начертанія оныхъ въ сенатскихъ изданіяхъ, строго придерживаясь правилъ, установленныхъ на сей предметъ существующими законами; и 2) возложить на первый департаментъ правительствующаго сената наблюденіе за точнымъ исполненіемъ на будущее время вышеизказаннаго порядка обнародованія правительственныхъ распоряженій.

Археологическая коммисія обратилась какъ въ мѣстныхъ губернскихъ начальствахъ, такъ и въ частнымъ лицамъ, съ просьбою содѣйствовать въ сохраненіи случайно открываемыхъ древностей. Приглашеніе это, которое въ то же время отчасти и себя большая часть нашихъ періодическихъ изданій, не преминуло принести благоприятные результаты: въ теченіе минувшаго года, въ археологическую коммисію прислано до 40 казавъ, случайно найденныхъ въ Бессарабской-области, Землѣ войска донагого и губернияхъ Астраханской, Волынской, Воронежской, Вятской, Грод-

ненской, Кіевской, Минской, Московской, Нижегородской, Петербургской, Подольской, Полтавской, Симбирской, Смоленской, Тверской, Тульской, Черниговской и Ярославской.

Изъ всѣхъ этихъ казавъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ два: 1) тридцать серебряныхъ монетныхъ слитковъ съ разнѣными буграми и вырубками, найденныхъ, вмѣстѣ съ тремя зорчатыми запястками, въ Волынской-губерніи, Ровненскаго-уѣзда, въ Сѣвѣнской колоніи, и 2) серебряный кувшинъ со слиткомъ в 1,435 сѣвѣнскимъ серебрянымъ монетами VII — IX столѣтій, открытый въ Ватской-губерніи, близъ г. Глазова.

Находки этихъ двухъ казавъ, колонистъ Брендлеръ и крестьянинъ-волакъ Леконцевъ, щедро вознаграждены за представленные ими вещи, получивъ первый 228 руб., а второй 600 руб. Кромѣ того, газетному исправнику, титулярному секретарю Рибинскому, и помощнику его, коллежскому секретарю Юргову, за оказаніе ими содѣйствіе къ обнаруженію послѣдней находки, Государь пожаловалъ каждому по подарку.

Находки остальныхъ казавъ отчасти такъ же получены, отчасти въ непродолжительное время вынуть получить денежное вознагражденіе, соответственное археологическому достоинству и рѣдкости представленныхъ ими предметовъ.

Привнеса глубочайшую благодарность всѣмъ, принимавшимъ участіе въ сохраненіи и представленіи древностей, открытыхъ въ минувшемъ году, археологическая коммисія при этомъ случаѣ съизъятъ долготу, повторить свою прежнюю просьбу чрезъ отпечатаніе слѣдующаго объявленія.

Почти во всѣхъ губернияхъ нашихъ ежегодно, при расчисткѣ полей, при устройствѣ дорогъ и производствѣ разныхъ другихъ земляныхъ работъ, при обрѣдкахъ рѣчныхъ береговъ, послѣ сильныхъ проливныхъ дождей или по убыли воды разлившихся рѣкъ, открываются различные древности, относящіяся къ отечественной исторіи и жизни народовъ, богатыхъ изобода въ предметахъ античной Россіи.

Несмотря на существованію у насъ законовъ о сохраненіи находимыхъ древностей, возложенъ въ прилож. къ ст. 539, ч. 1. т. X св. гражд. законовъ, изъ всѣхъ такихъ случайныхъ находокъ только самая незначительная доля поступаетъ въ государственнаго древнорасхищанія и дѣляется достояніемъ науки; болѣе же частью оны или совершенно пропадаютъ, или слухи о нихъ появляются долгое время спустя послѣ открытій, когда уже нѣтъ никакой возможности отыскать найденныя вещи, но и собрать изданія сдѣлать нѣтъ возможности, а болѣе значительныя обстоятельства, при которыхъ сдѣлана была находка.

Между тѣмъ, если такіа находки, какъ бы ничтожны иногда оны и казались, вынуть, въ научномъ отношеніи, чрезвычайно важное значеніе и требуютъ самаго тщательнаго сохраненія и описанія.

Поэтому, императорская археологическая коммисія покорнѣе проситъ всѣхъ, кому предстанетъ случай либо самими открыть какия бы то ни было остатки древности (какъ-то: каменная орудія, костяная, глиняная и металлическая издѣля, наконцы, монеты и т. д.), либо узнать о нахожденіи такихъ или другихъ, тотчасъ же имъ извѣстивъ о сдѣланіи оныхъ открытій, и, если не представится какихъ-либо особыхъ затрудненій, передать имъ и самыя вещи, или, въ крайній мѣрѣ, доставить имъ подробное и обстоятельное ихъ описаніе, а въ случаѣ возможности и рисунки.

1. Случайно открытыя древности находить по обязанъ уступать безплатно; но если пожелаетъ продать ихъ, то получаютъ за нихъ соответственное денежное вознагражденіе, а именно, столько цѣны по дѣйствительной стоимости золота, серебра или того вещества, изъ котораго оны сдѣланы, но по особому добавочному суму, сообразную съ степенью древности и рѣдкости найденныхъ вещей.

2. Древности, которыя находчикъ пожелаетъ оставить за собою, или коммисія почиту-либо не признавать нужнымъ прибрѣсти, будутъ возвращены по принадлежнсти, съ оплатою всѣхъ расходовъ по сеуму случаю.

3. Найденныя древности могутъ быть доставлены или непосредственно изъ археологическую коммисію, на имя предсѣдателя ея г. графа Сергія Григорьевича Строганова (въ С.-Петербурѣ, у

Пашинскаго моста, домъ № 17), или чрезъ мѣстные статистическія комитеты, съ которыми она, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, находится въ сношеніяхъ по этому предмету.

Въ заключеніе археологическая коммисія имѣетъ честь обратиться какъ въ мѣстныхъ начальствахъ, такъ и въ частнымъ лицамъ, съ просьбою содѣйствовать ей въ возможности при распространеніи вышеизказанныхъ свѣдѣній (распространенію между сельскими обществами, которымъ чаще всего представляется случай находить различнаго рода древности).

Раскольникъ. — «Современнаго Извѣстія» сообщаютъ дѣло о крестившіи Шумиѣ, раскольникъ 61 года, судимомъ за побѣгъ изъ Сибири. Дѣло разсматривалось безъ присяжныхъ. Старики раскольники Шумиѣ за укрѣненное свѣдѣніе изъ церкви села Дроздова были сосланы въ Сибирь въ заводъ, въ каторжную работу, безъ казаній. Побудительною причиною къ порочности старосты была слишкомъ большая привязанность къ старымъ и религіознымъ фантазіямъ. Евангеліе было древнее, и ему хотѣлось имѣть его (извѣстѣ бы оны и не рѣшился на такой поступокъ). Такъ и было отъ сначала усечь евангеліе, но не то, пришелъ объяснить его и былъ помянутъ. Этого-то раскольника, проживающаго въ Сибирѣ около года, бжало въ помянутъ въ Шумскомъ-уѣздѣ; только четырехъ верстъ не дошелъ онъ до своей деревни.

На судъ раскольникъ прямо, безъ утайки, объявилъ, что оны такой, откуда бжало и къ какому принадлежалъ върѣ. «И Губо» Шумиѣ, раскольникъ — по тайному свидѣтельству, бжало въ Сибирь, чтобъ найти жето для спасенія души. Товарищъ прокурора въ общинальній рѣчь говорилъ: «Положимъ, что Шумиѣ, какъ потерявшій видъ гражданскія права, не заслуживаетъ уваженія мнѣности, но какъ человѣкъ, носящій въ себѣ образъ и подобіе Божіе, достоинъ ея. Преступленіе его заключается въ побѣгъ изъ Сибири по отъ, все таки, объясняется его фантазмомъ; желаніемъ отыскать убійца для спасенія души. Защищаясь, въ своей рѣчи, старался доказать необходимость въ старости и новѣйшествахъ: оны рѣшился судей обратиться въ мнѣности добраго и великодушнаго Государя Императора. Вся публика, состоящая болѣе, нежели изъ 150 членовъ, надѣвалась, что судъ не откажетъ въ послѣднемъ Судьи, послѣ обьявленія, продолжавшагося полтора часа, объявилъ приговоръ: наказатъ подсудимаго Шумиѣ плетенью чрезъ палача, назначивъ ему 50 ударовъ.

Губель отъ мороза сильно — каторжанинъ. — Въ Сѣвѣнскихъ Вѣд. Изд., подъ rubricomъ: «Свѣдѣнія о провозвѣщеніи въ Сибирскую губернію а отъ 19-го числа января 1868 года, плещеніемъ въ Красноярскій округа, Волынской волости въ селѣ Безеневскомъ, Болотское рѣкъ, умеръ отъ обмороженія членовъ, 17, 18 и 19-го января. 11 членовъ пересыльныхъ арестантовъ, изъ сѣмью — каторжанинъ, прибывшіе въ партіи изъ Красноярска на волынецкій подпуталъ, а 26 членовъ такихъ же арестантовъ, болѣе или менѣе, сильно обмороженныхъ. Послѣдовао снѣгъ отъ того, что въ дѣлѣ сдѣланная партія по дорогѣ, пролегающей открытою мѣстностью по р. Енисею, пролегло большого мороза, доходящаго до 35 градусовъ ниже нуля. Въ послѣдній вечеръ, дувши на открытую медной партіи арестантовъ, наступилъ окончательный приговоръ убійствамъ членовъ Паренія. — Въ свое время мы сообщали объ убійствѣ ивгена Паренія въ Оеодисіи. Въ «Оеодис. Вѣстн.» теперь сообщены подробности по этому дѣлу. 22-го февраля, въ Оеодисіи, въ присутствіи городского полицейскаго управленія, убійцамъ Паренію объявленъ былъ окончательный приговоръ: утвержденны командующими войсками оеодескаго военнаго округа. Сентъ-Аметъ, Сентъ-Ибрамъ и Эмиръ-Усейпъ, приговорены въ повѣшенію а четвертый, Сентъ-Меметъ, въ сослѣ въ балашия въ сѣта Сибирю. Во все время чтенія приговора, убійцы были допьяна сплывали; въ особеннсти Сентъ-Ибрамъ, который слушалъ приговоръ, какъ бы рѣчь сама о себѣ, вовсе до него неотносился. Болѣе другихъ мы сказали Сентъ-Аметъ, по лицу котораго можно было судить, хотя немного, о чувстввахъ, возмывавшихъ его. Сентъ-Меметъ, четвертый участникъ, въ виду участіа, которой подвергался его товарищъ, видимо считалъ себя счастливымъ. Когда приговоръ былъ прочтенъ, осужденнымъ

предложил был вопрос о том, кого они направили спешно душить. За приговоренных их смерти говорили Сеть-Мечеть, т.е. молчали; один только Сеть-Амьт проговорил тихо: «духоникъ захѣлъ духоникъ... развѣ оны возьмѣт на себя мои грѣхъ?»

Марта 2-го, за чертою города, въ 9 часов утра, убийцы плумена Паревна, таргактаски (близ Суздаля) татары повѣшены.

Комитетъ изъ разбора и приравнявъ нищихъ въ 1866 году повѣдовалъ отчеты: въ 1865 январь 1866 г. приравнявъ комитетъ оставилъ лишь 18400 душъ 363 человекъ: мужчинъ 133 и женщинъ 210.

Въ 1866 г. къ разбору комитета поступило шесть нищихъ 2,479 человекъ: мужчинъ 1620 и женщинъ 859, между прочимъ 1865 г. на 186 чел. Въ числѣ ихъ было грамотныхъ 607 чел.: мужчинъ 375 и женщинъ 32.

Въ его въ 1866 г. приравлялось нищихъ въ домъ комитета, съ оставшимися отъ 1865 г. 2,842 чел.

Изъ нихъ, задержанныхъ за преступство, въ первый разъ было: 1,133 мужчинъ и 547 женщинъ, всего 1,700; во второй разъ 271 мужикъ и 145 женщ., всего 416; въ третій разъ въ болье — 196 мужк. и 167 женщ., всего 363 чел.

По числу нищихъ первое мѣсто занимаютъ кирсане: всего 945, противъ 1865 г. болѣе на 331; кирсане — отставные солдаты, ихъ жены, вдовы и дѣти, всего 860, противъ 1866 г. болѣе на 165; третье мѣсто арендно-обяз-ные крестьяне, бывшие дѣла въ долгу, всего 233, противъ 1865 г. болѣе, противъ 1865 г. болѣе на 6; четвертое мѣсто крестьяне государственные, 333 чел., противъ 1865 г. менше на 13; вынужденные уроженцы болѣе представлено 69, противъ 1865 г. менше на 10; бывшихъ црковного вѣдомства 31, противъ 1865 г. болѣе на 5 чел., и иностранцевъ 26, противъ 1865 г. болѣе на 5 чел.

Число нищихъ, принадлежащихъ къ благородному сословию, въ отчетномъ году было болѣе 1865 г. на 23 человекъ. Оно распредѣлено: мужчинъ до 139 и женщинъ до 37, всего 176 человекъ.

Убийцы Соханскаго. — Два съ половиною года назадъ, въ одномъ изъ предмѣстѣевъ Киева были убиты Соханскій съ дѣтми. Теперь открыто, что убийцами ихъ были: крестьянинъ Иванъ Нисколовъ 26-ти лѣтъ, съ злобавства находившійся при Соханскомъ и пользовавшійся особымъ его расположеніемъ, и солдатскій сынъ Андрей Жиландо, 19-ти лѣтъ, которые въ теченіи четырехъ дней закорюкою обмывали злоубство и расчленивали свои роли. За какой нибудь часть до убійства, Нисколовъ свободно покупалъ, выхлѣвъ для храбрости волю и отправился къ своей жерть за выданою ося дошадкомъ. На возвратномъ пути они сяди урвали Соханскаго топоромъ по голове; затѣмъ, съ подосившимъ сообщникомъ, задушли несчастнаго заранѣе приговоренною веревкою и тутъ же обшарили его карманъ. Разгнѣвъ добычу, оба злодѣя пошли на дѣшевнѣйшій грабежъ въ домъ Соханскаго. Злоубство совершилъ главный убійца, съ удивительнымъ преступствомъ духа, задушавъ медкомъ, букою и блоками свой подлѣтъ. Затѣмъ, даривъ въ сосѣднемъ огородѣ награбленное серебро, оба убійцы возвратились къ трупу и втащили его въ комнату. Этимъ еще не все кончилось: самое зверское дѣло было впереди. Положивъ на кровати тѣло убитаго, Иванъ дѣлъ изъ него держать свѣчу, а самъ отправился въ лазаретъ, гдѣ спали дѣти. «Сенька, чего ты хочешь?» спитанно спрашиваетъ ребенка убійца и подвѣсивъ веревкою его и задушилъ сестру его. Родственъ предсмертнѣй стоишь: но сосѣвъ зарычавъ сердце младшаго убійцы, Андрея, дружино, съ испугу они уронилъ свѣчу, страшный ярмакъ покрывъ убійцы и жерты ихъ. Какъ и въ чѣмъ не бывало, они достали свѣчекъ и снова возвратились на крованое мѣсто, сложили въстругну—и подожогъ завершилъ ихъ подлѣтъ. Совершивъ все это, убійцы какъ и въ чѣмъ не бывало пошли спать. При подшавшесъ предлогъ, они сами представлявали на поварѣ: задушилъ изъ огню вухарку, а другой началъ вытѣвать воду изъ колоды. По раскрытій представлений во всѣхъ его подробностяхъ, престу-

пство совершилъ. Главнымъ начальникомъ при генералъ-дѣпутатомъ Безаго, по чрезвычайности злоубства, испрошилъ высочайшее соизволеніе продать виновныхъ полевому уголовному суду при управленіи кievскаго коменданта. Надъ убійцами состоялся слѣдующій приговоръ: первый приговоренъ къ высѣли, а второй по несовершенности какъ участвовавшій въ преступленіи по уговору первого и прежде его соизволеній въ преступленіи, къ каторжной работѣ въ рудникахъ на двадцать лѣтъ.

ПОЛИТИКА.

Англія. — Побѣды въ Абисиніи продолжаютъ волновать Англію. Какъ не гордиться такою экспедиціею, которая, за исключеніемъ денегъ, стоила Англіи только нѣсколькихъ солдатъ и одного офицера, тогда какъ Франція оставила въ Мексикѣ тысячи солдатъ и сотни мильоновъ и вернула оттуда неисчисленнаго товара и матеріала. Побѣда англійцевъ оторвала отъ него значительную часть Швейцаріи, объявивъши, не знаю, что Магдада неперустана и что англичане пожелали въ замяденіи, гдѣ всѣ погибнуть. Впрочемъ, однимъ, то же ивѣщаніи, инженеръ убравъ въ физической невозможности продолжать подвѣдній телеграфъ между Европою и Америкою. Стойкость императора Феодора, его храбрость и героическая смерть доказываютъ, что онъ былъ необыкновенный человекъ. Разсказа о его жестокости, впрочемъ, превеличаны: это доказываетъ тѣмъ, что онъ былъ не такъ жестокъ, какъ мнѣ кажется, и былъ. Въ Англіи нашъ выдѣлъ одно время, что Феодоръ заключить съ англичанами миръ и возстановитъ цивилизацію, которую они внесутъ съ собою. Экспедиція, сначала подвигавшаяся впередъ очень медленно, подъ конецъ начала дѣйствовать очень быстро. 10-го апрѣля, англійское войско прошло Бамадо, въ десяти миляхъ отъ Магдады. Неприятель стоялъ передъ городомъ въ сильной позиціи. Феодоръ могъ легко отступить. Роговицы, Неприятель, въ развѣдкѣ, гдѣ стоялъ, Феодоръ не отступилъ ни чего. 11-го апрѣля, 12-го апрѣля Феодоръ атаковалъ первую бригаду англичанъ, въ битву на страшной. У него было убито пятьсотъ человекъ; у англичанъ одинъ убитый и двадцать два раненыхъ. Ночь прервала битву. Неприятель оставилъ равныхъ на полѣ сраженія. Въ субботу Феодоръ прислалъ парламентъ, возвращать всѣхъ пленныхъ и просить перемирія. Абисинское войско видимо было деморализовано; говорить, что Феодоръ покупался на самоубійство. Англичане отвѣтили 13-го и 13-го апрѣля, подошла къ Магдадѣ, бомбардировала ее. Абисинцы бѣжали. Феодоръ защищался отчаянно, и видя, что все потеряно, застрѣлился. У англичанъ было десять раненыхъ. Англичане дѣйствовали арметронными пушками и послѣ трехчасоваго бомбардированія пошла на приступъ. Въ крѣпости наши четыре горны, 20,000 доевровъ, серебряному посуду, много драгоценности и оружія. Англійская армія готовится къ отпавію въ Бамадо.

Дѣла Д'Израэля потерпѣлъ новое поражение по вопросу объ ирландской пенніи. Несмотря на сильное сопротивление главы кабинета, первое представленіе Гладстона было принято 330 голосами противъ 265, т.е. болышинство, поддерживающее уничтоженіе ирландскій пенніи не уменьшилось, какъ то желалъ Д'Израэль, но увеличилось еще на пять голосовъ, съ тѣхъ поръ какъ вопросъ этотъ разсматривался въ комитетѣ. Министръ вновь важность этого вопроса оторчалъ засѣданія палаты, чтобы обдумать свое положеніе. Это когда пеннію не оставилъ министерства на расчуненіе парламента. Д'Израэли подаль въ отставку, но королева не приняла ее и согласилась на расчуненіе парламента, только такъ какъ палатамъ предстоитъ разрѣшить нѣскольکو неотгаданныхъ дѣлъ, то расчуненіе отложено до осени. Д'Израэли просилъ Гладстона отказаться отъ своего предложенія, относительно первенства зреній по ирландскому вопросу передъ другимъ дѣлами и Гладстонъ согласился на это, ирландія, что онъ не отступилъ отъ своего предложенія, касательно отъѣзду государственной пенніи въ Ирландію. Д'Израэли предложилъ опозиціи внести къ палату выраженіе недоверія къ кабинету. —Принесъ-финансъ по поводу взрыва казенной школы торжмо окончено оправданіемъ пяти обвиненныхъ, въ числѣ ко-

торыхъ была одна женщина. Осужденъ на смертъ одинъ Баретъ, который, будто бы, поджогъ болоню, по виновности его подлежаще сомнѣнію. Явился нѣскольکو свидѣтелей, утверждающихъ, что въ день взрыва торжмо Барета не было въ Лондонѣ, потому что его выдѣлъ въ этотъ день въ Гластоу въ даше чина при немъ телеграфическую депешу, извѣщающую о новой попыткѣ-финансъ. Другіе свидѣтели доказываютъ, что онъ былъ въ Лондонѣ, и вторые принесши присягу, что выдѣлъ, какъ онъ поджогъ болоню и болѣе своего обвинялъ одинъ изъ преступниковъ, обвинялъ за слѣдствія своей жизни, связанной все на Барета, который торжмо защищаетъ отъ обвиненія и объявляетъ, что онъ невиненъ. Присяжные, однако, нашли его виновнымъ, но мнѣе надѣются, что приговоръ будетъ смягченъ. Страніе ивѣщаніе, въ этомъ случаѣ, то, что позція была предупреждена объ этомъ покушеніи, знала все и часть, когда хотѣли взорвать торжмо для освобожденія начальникомъ финансъ и нѣсколько не предупредивъ финансъ, съ которыми финансъ реставратъ отстоящихъ виновныхъ, повѣннхъ на мѣстѣ преступленія, тогда какъ заговоривши дѣйствіями дѣломъ презрѣ Лондона и хотѣли взорвать цѣлый кварталъ. Покупеніе противъ принца Альберта въ Аустралию возбуждаетъ сильное негодованіе. Фейн О'Фарелъ, взятый на мѣстѣ преступленія и соизволеній въ своемъ намереніи, осужденъ на смерть. Положеніе принца удовлетворительно. Въ Канадѣ убитъ то же финансъ вѣдѣвающимъ членъ парламента Мак-Доналдъ (Mac Fee) и его генералъ говоритъ, что въ настоящее время въ америкѣ насчитывается болѣе 60000 американскихъ убійствъ. Этотъ выдѣлъ можетъ убитъ финансами въ Америкѣ, какъ выстрѣлъ въ Лондонѣ убитъ окончательно южную конфедерацію. Все населеніе Монтреала провозло убито, всѣ парии слышатъ, чтобы вырвать свое участие къ жерть финансъ.

Франція. — Война и миръ не перестаютъ занимать общественное мнѣніе, нечѣтъ занимающаго въ условіяхъ финансъ, съ которыми финансы правительствъ одна начинаютъ думать, чтобы объявить о необходимости войны съ Германіею. Маршалъ Поль и генералы доказываютъ это бюджетной комисіи, но общественное мнѣніе возматъ противъ воинственной партіи и требуетъ, чтобы правительство нѣсколько говорило успокоительная рѣчи, но и дѣйствовало въ томъ же духѣ. Противникомъ маршала Поль въ этомъ дѣлѣ является министръ Руз, всѣмъ силами отстаивающій миръ. Напрасно военный министръ и его генералы говорятъ, что въ настоящее время армія дружна, тѣмъ была при Наполеонѣ I, когда при Аустерлицѣ побѣдилъ австрійцевъ и русскихъ, что она желаетъ войны и считать амьничками тѣхъ, которые мнѣютъ ей стремиться къ славы и завоеваніямъ; на это ей отвѣчаютъ, что прежде всего надобно позаботиться о пользѣ чужеземства и цивилизаціи, что не мѣшаетъ подуматъ о несчастномъ положеніи финансъ и что итъ въ мажнѣйшаго предлога къ войнѣ. Рузъ отвѣчалъ также военному парламенту, что армія должна повиноваться, но не предлѣтъ требованія, и обязанна знать военныя методы странъ. Страна требуетъ мира, необходимаго для социального прогресса и финансовъ; вообще всѣ государства требуютъ мира. Однако, несмотря на всѣ эти убѣжденія, военный министръ продолжаетъ настаивать и заіаніе его очень сильно. Руз, видя, что ему одному не устоять противъ воинственной партіи, обратился къ печати, надѣясь, что она поддержитъ его мнѣніе. Почувъ, бѣсъ сомнѣній, сдѣлава все, что возможно, но бюджетная комисія желаетъ сдѣлать городо болоню, оставилъ свои экономическія планы и вступилъ законодательному корпусу, какую оны приметь на себя ответственность передъ всею Европою, если не оставитъ во время воинственныхъ стремленій одной партіи, противъ которой возматъ всѣ націи. Однако, вооруженія продолжаютъ и Руз не можетъ имъ противиться иначе, какъ принявъ сторону бюджетной комисіи, которая еще не потеряла надежды на сохраненіе мира. Впрочемъ, если всѣ Европѣ не будетъ войны, то она можетъ спешить въ другой части свѣта. Между французскимъ правительствомъ и тунискимъ бѣзъ произоиди неспротивности, которыхъ не могли уладитъ дипломатическыиъ образомъ, такъ что сношенія между Франціею и Тунисомъ прерваны. Французскій консулъ требовалъ обезпеченія фран-

Въ этою по времени увеличенія комитета въ 1857 г., вступилъ къ разбору одного боего бою нищихъ 34,282 человекъ.

— Что вам надобно? отвѣчал привратникъ, выходя изъ своей комнаты.

— Мы хотимъ говорить съ нашимъ господиномъ.

— Вы! возразилъ съмѣсъ звѣриный привратникъ. — Убирайтесь лучше домой, покауда я не прогналъ васъ отсюда палякомъ.

— Если ты не отворишь, я выломаю дверь! вскричалъ Танкеру.

Но привратникъ важно направился къ себѣ. Тогда отецъ Тины поднялъ молотъ, ударилъ по замку и дверь отворилась. Васаламъ взошла на парадный дворъ, несмотря на крики привратника и вдругъ остановились, пораженные ужасомъ. Луна освѣщала три вѣшанки, поставленные недавно; это доказывало только что вскрытая земля. Танкеру сказала Жильду Лорену:

— Мы пришли въ-время. Эти вѣшанки поставлены для твоего брата, для Сервана и... Кузнецъ не могъ произвести имени Поминю. Когда его заперъ въ тундъ, черты вырвали гибль. Перекрутивъ за плечо жаловый молотъ, онъ быстро пошелъ къ главному входу.

Привратникъ успѣлъ прежде въбѣжать въ переднюю, гдѣ многочисленная дворня играла въ карты съ солдатами. Сержантъ Ламонтанъ былъ между ними.

— Васаламъ выломали дверь, кричалъ привратникъ: — они хотятъ выдѣть графа!

Одинъ изъ лазетовъ побѣжалъ тотчасъ предупреждать господина, который разсвѣдалъ съ управляющимъ и абатомъ о судьбѣ трехъ павшихъ. Маркиза Дотрамбле была тутъ же. Рауль, удивленный дерзостью васаловъ, выбѣжалъ изъ комнаты и зашѣвъ въ передней сержанта, сказалъ ему тихо нѣсколько словъ. Потомъ онъ вышелъ на крыльцо, окруженный лакеями, которые несли свѣчи и, увидя небольшого кучку крестьянъ, начали абатъ:

— Надобно выиграть время... тотчасъ явится сержантъ съ солдатами и я вѣшанки стражники.

— Какъ вы смѣли вломиться ко мнѣ, негодяи! вскричалъ онъ грозно, смотря на Танкеру. — За чѣмъ вы пришли?

— Мы вамъ объяснимъ это, графъ, отвѣчалъ сдержанно кузнецъ и, вынувъ изъ-за пояса бумагу, подалъ ее Раулю.

— Это что за писанье? спросилъ тотъ презрительно.

— Это наши законы.

— Ваши законы! Что вы сошли съ ума?

— Инакъ итъ, монсеньюръ, продолжалъ Танкеру хладнокровно. — Мы посланы нашими мецанскими и плурицельскими васалами, чтобы объяснить вамъ наши требованья. Насъ притѣвляють и обязываютъ больше, чѣмъ мы можемъ перенести. Клявусъ Богомъ, что мы не въ состоянн болѣе терпѣть. Вотъ почему мы составили свои законы, которыхъ мы можемъ подчиниться и просямъ насъ принять ихъ.

— Законы, написанные вами! проговорилъ удивленный графъ. — Да вы просто вымыслы. Какъ вы смѣете беззастѣночно меня такими глупостями! Я вѣст...

— Не торнитесь, графъ, шепнулъ абатъ: — будьте терпеливы съ этими поумными, солдаты еще не пришли.

— Такъ вы требуете, чтобы я принялъ ваши законы и исполнять ихъ? спросилъ Рауль насмѣливо.

— Мы просимъ васъ объ этомъ... Мы требованья справедливы. Вы сводите насъ въ тюрьму на работѣ слѣдъ и заставляете работать ямше слѣдъ. Мы дошли до того, что скоро будемъ питаться травою и жить, какъ дикіе. Налогн разорили насъ. Если за мажнншй преступокъ сажаютъ въ тюрьму, платятъ, вѣшаютъ. Это не должно продолжаться. Прочитайте эту бумагу и вы увидите, что мы просимъ только человѣческихъ правъ. Примите наше предложеніе. Мы будемъ попрежнему работать и предоставлять вамъ болѣе чистыя нашия трудящія, но и мы будемъ жить не какъ слѣдъ, а какъ люди. Подпишите наши крестьянскія законы и между нами будетъ прочный миръ.

— А если я оспарюю не подписать ваши законы, не принять ихъ? спросилъ смѣясь, графъ, не понимая даже, какъ много васаламъ дойти до такой безумной дерзости.

— Тогда между нами будетъ война, отвѣчалъ холодно Танкеру. — Еще мы просимъ, чтобы вы освободили трехъ павшихъ, которыхъ васаламъ се-

годня. Вы приготовили имъ вѣшанки, а мы не хотимъ, чтобы они были повѣшены.

— Вы... не хотите... вскричалъ Рауль, который не могъ сдержать своего гнѣва. — Какъ ты смѣешь говорить мнѣ это, бездѣльникъ? А если я не хочу отпустить павшихъ?

— Тогда мы освободимъ ихъ сами, докончивъ кузнецъ.

Графъ хотѣлъ броситься на дерзкаго, забывая свою рану, но услыша звукъ колокола, сирисалъ абата:

— Что это за звонъ?

— Это абатъ, отвѣчалъ Танкеру, мрачно. — При восходѣ луны всѣ селенія въ окрестности востали. Негодько Пауэрнесса и Мецаланъ явились за оружіемъ, но дерутся въ Реннѣ, Навтѣ, Кемперѣ. Вездѣ востаніе, вездѣ междоусобная война, если наши владѣтели откажутся признать крестьянскія законы. Мы идемъ вашихъ отъѣздъ. Подпишите эту бумагу, отдайте намъ павшихъ и никто насъ не тронетъ, иначе война ужасная! Вы были съ нами жестоки и мы будемъ безжалостны!

— Сержантъ! закричалъ графъ Пауэрнессъ, увидя Ламонтана. — Въ штыки эти бунтовщики! Лесная стража! ко мнѣ! Защищайте законы! — Я съ удовольствіемъ прозано этихъ негодяевъ, проговорилъ сержантъ: — они безобразно глумились надъ васалами.

И онъ первый бросился на Танкеру, солдаты послѣдовали за нимъ, ступени крыльца пауэрнесскаго замка отдремали кровью...

Въ это время Поминю оказалъ смерть въ темницѣ. Когда его привели въ замокъ, судья допросилъ его и нашолъ, что онъ виновенъ въ похищеніи убійства надъ своимъ господиномъ. Зная, что смерть неминуема, Поминю не отвѣчалъ ни на какіе вопросы и только спросилъ о Бертъ. На это ему не отвѣчали, но объявили, что вѣшанки готовы и что по утру всѣ трое будутъ повѣшены.

— Умереть, проговорилъ Поминю. — Я долженъ радостно, что умру... А мой отецъ! Онъ тоже не боится смерти, только онъ не хотѣлъ бы умереть въ ту минуту, какъ должно вспыхнуть востаніе, подготовленное имъ. Удѣлся ли не удался этотъ бунтъ, но онъ не останется безплоднымъ. Каждый мой протестъ противъ злоупотребленія слѣдъ приноситъ людямъ утѣшеніе, хотя это приноситъ только кровъ... Кажу, что я не приму участія въ этой борьбѣ. Я бы, вмѣстѣ съ отцомъ, остановилъ ненужную жестокость... Выбранные представляютъ графу намъ крестьянскія свои законы, въ которыхъ мы требуемъ справедливаго... Еслибы мой отецъ былъ въ главѣ инсурректонъ, онъ старался бы договорить всѣхъ бы убривенно, онъ началъ бы говорить въ тюрьму, также какъ я, и по моей вѣдѣ...

Зачѣмъ я полюбилъ Берту? Какая судьба вѣдала меня въ Гагу, гдѣ я слѣдъ дочъ Перовотевъ? Я рѣшился забыть эту безумную любовь, хотѣлъ жениться на бѣдной Тинѣ, и судьба показала мнѣ Берту въ день моего свадьбы. Сегодня она сама призналась, что любить меня, что эта любовь привнесла ей чувствомъ справедливости и примиренія и черезъ нѣсколько минутъ, я отъѣзжалъ. Поднялъ ножъ на сына Перевота, это сатанализм! Но судьба сбавила дѣтъ враждебныхъ породъ, чтобы въ будущемъ потомкѣ франковъ и газдовъ заблудилъ свою ненависть и соединился съ братскимъ союзомъ. Берта и я, мы пожелали ноло этою союзомъ. Въ человѣчествѣ каждой нибудь свое назначеніе, какъ говорила древняя мудрость; наша жизнь приготовила жизнь другнхъ, даемъ ли мы добро или зло... Что я сдѣлалъ? Странное преступленіе! Я убилъ невиннаго, злобачаго ребенка... Какъ ты страдала, бѣдная Тинъ! Но возвращеніе изъ Гаги, я долженъ былъ откровенно признаться тебѣ и отцу, что люблю тебя только, какъ сестру, но не больше, и ты позволила мнѣ отъ насѣдъ быть моею женою. Ты была такъ молода и чиста, что тебѣ достаточно было и братской дружбы; но я скралъ мои чувства, мы стыдно было признаться въ своемъ безуміи и бѣдная Тинъ летѣла себя на прасную надежду и не могла перенести удара. За это я наказанъ тѣмъ, что не могу выдѣться на союзъ съ Бертою. Она сказала, что тѣмъ Тинъ стоить между нами. Въ будущей жизни, Берта и Тинъ будутъ сестрами, наши страсти очистятся и мое преступленіе будетъ прощено!

Занятый своими мыслями, Поминю не замѣчалъ, что колокола звонятъ въ необыкновенное время, что слышнвъ шумъ оружія, крики, выстрѣлы; потомъ въ узкое око темицца показались красноватый свѣтъ и Поминю очутился.

— Это пожаръ! вскричалъ онъ. — Васаламъ завадиль замокъ... Онъ заклигъ его! Гдѣ Берта? что съ нею? прибавилъ онъ въ отчаяніи.

Онъ бросился въ дверь, чтобы выломать ее, но не успѣлъ быть въ нее потому и ружьями. Однако, абатъ послѣдился шумъ и голоса. Поминю закричалъ, что было слѣды:

— Друзья! сюда! идите павшихъ! Поминю! Шаги приближались къ двери и грозный голосъ проговорилъ:

— А! ты здѣсь! тебѣ-то мнѣ и надо!

Дѣръ темицца отворилась и вошелъ Танкеру, покрытый кровью. Когда солдаты бросились на него, по приказанію грава Пауэрнесса, онъ защищался своимъ молоткомъ, потомъ, когда послѣдніе оставили васала, онъ повѣлъ ихъ осаждалъ замокъ. Двери были запорты; солдаты и прасуга грава начали стрѣлять изъ оконъ. Много осаждающихъ осталось мертвыми на крыльцѣ, но дверь была выломана, васаламъ бросились въ комнаты и тамъ продолжалось страшное, отчаянное сраженіе. Защищеніе замка было, наконецъ, побѣждено и крестьяне, озлобленные смертью товарищей, начали все разбивать въ изумленіе, а потомъ дождавъ разсвѣта, покинули замокъ. Танкеру и абатъ, его друзья пошли отыскивать павшихъ. Одинъ изъ лазетовъ пошелъ ихъ въ тюрьму, находящуюся подъ помещеніемъ для истребленъ и тамъ отецъ Тины, услыша голосъ Поминю, явился предъ убійцею дочери.

Поминю отступилъ въ ужасѣ, увидя Танкеру, который подыалъ все молотъ надъ головою зата, но вдругъ отпустилъ его и проговорилъ мрачно:

— Ты умрешь, но прежде ты долженъ знать, какъ мѣня Тинъ.

— Убейте меня скорѣе... это ваше право, но не терайте меня, престоналъ молодой человекъ.

— Мнѣ скажутся надъ тобою! престоналъ кузнецъ. — Ты убійца, ты долженъ знать, какъ умерла твоя жертва. Это будетъ твои первое наказаніе, второе посядуться за нимъ... Служай же. Въ день свадьбы я бѣжалъ отъ солдаты. Ночью я вернулся домой. Моя мать отворила мнѣ дверь...

она была бѣдная и въ слезахъ... и ничего не знала, она сказала мнѣ: «Бѣснн кохнн!» Поминю бѣжалъ... онъ сказалъ Салаву и Тинѣ, что они его никогда не увидятъ. Тину прннеси домъ безъ чувствъ... она невольно очутилась и слѣдъ за прасугою. Она не говоритъ ничего, не платитъ, но на нее страшно и болѣе посмотреть!

— Бѣдная Тинъ, проговорилъ Поминю, рыдая, какъ ребенокъ.

— Услыша слова матушки, продолжалъ Танкеру: — я прислонился къ стѣнѣ, потому что голова у меня потогнѣлась, кровь бросилась въ голову. Я пошелъ, что мой дотъ не имѣетъ удара, что она умереть. Собралъ силы, я пошелъ въ ея комнату. Она прала, не слуска глаза съ праяи, и ея глаза страна бѣснннн, цюк горѣла, на абу были капли вода. Когда я вошелъ, она обернула голову, но не узнала меня и продолжала прасты. Я ее звалъ, плакалъ, ласкался, она не шевелилась, не понимала ничего. Оставя ее на поченіе матушки, я побѣжалъ въ Ваннъ за врачомъ... это не бѣзпо, но я доблѣдъ, разсказываю всему, онъ сѣтъ не она подождала и пошла, я опять побѣжалъ впередъ въ воды, первый въ домѣ, спросилъ матушку: что, умерла? Нѣтъ, отвѣчала она: — съ ней былъ обморокъ, потому она очутилась, узнала меня и заплакала, только просила, чтобы я не снималъ съ нея вѣнчальнаго шлѣпа. Мы вошли къ ней съ докторомъ. Она лежала на своей постели въ лѣтвѣ и шлѣпѣ, только такая бѣдная, что я вздрогнулъ. Она узнала меня, протянула мнѣ руки, но не могла произволить. Я обнялъ ее и она подождала меня, только губы ея были холодна. Сердце мое разрыдалось, я зарыдалъ и матушка отвела меня отъ Тины, чтобы пропустить доктора. Тотъ поцѣлывалъ ей голову, потомъ руки и вышлалъ, сдѣлавъ мнѣ знакъ, чтобы я сдѣлалъ за нимъ. Я повиновался машинально. Докторъ сказалъ мнѣ, что вслѣдствіе сильнаго горя, кровь пришла къ сердцу моему дочери и что такъ произошла одна несудь. Смерть неизбежна. И опять вошелъ къ Тинѣ и старался утѣшиться, но это было беспо-

можно. Онъ поздравилъ меня, матушку и сказалъ: «дайте мнѣ вашу руку и не отнимайте изъ до конца». Она была еще холодна. Я хотѣлъ объяснить ее, но она обратилась къ матушкѣ: «смотри, выдите ли, бабушка, что предчувствія поселяются отъ Бога. Этотъ черный воронъ и бѣлая голубка... Богъ не хотѣлъ, чтобы я была женою Помпону... хотъ мы и обмѣнялись кошельми...» — Она села и при его жизни сказала слово... Онъ согласился быть, но мнѣ изчезъ изъ доброты, но Богъ не допустилъ... Надобно исполнить его волю... Пусть Помпону будетъ счастлива безъ меня. Бабушка, вы простите же, какъ я прошу. Онъ не виноватъ. Онъ не хотѣлъ любить меня, какъ я его люблю... Это послѣдняя моя просьба... простите его... Положите мнѣ въ моемъ подвижномъ платьѣ съ зентою и кошелькомъ... Прощайте бабушка, прощайте батюшка...»

Танкеру не могъ продолжать. Радады думили его, гдѣвъ пропавъ при воспоминаніи кошачьи дочери. Помпону слышалъ его со вниманіемъ и черты его выражали сильное горе. Онъ забылъ даже о Бергъ и оплакивалъ преждевременную смерть Бергъ. Но Танкеру отъ глаза, черты его признаки снова мрачное выражение, и поднимъ упавшия волосы, онъ вступилъ въ разговоръ.

— Ты знаешь, какъ умерла твоя жертва, теперь уми самъ!

Тяжелый молотъ готовъ былъ опуститься на голову Помпону, но тотъ отскочилъ въ сторону и неожиданно бросился на шею дяди, обнявъ его възною и проговорилъ сквозь слезы:

— Я не боюсь смерти... но я не хочу умереть отъ вашей руки. Вы любите мою мать и Тина простила меня... мои смерти будутъ для насъ новыми горемъ, потому что вы любите меня. Ваше сердце будетъ страдать, что вы убивае племянника, сына вашей сестры.

Слезы молодого человека, воспоминаніе о сестрѣ, дочери, обезумевшая Танкеру. Молотъ снова упалъ въ его ноги. Въ эту минуту вошелъ Серданъ въ Салазуръ, освободившись другими наездниками.

— Бѣгите отсюда, вскричалъ Серданъ: «здесь горит!»

Салазуръ протянулъ руку Танкеру и сказалъ: — Братъ, клянусь Богомъ, что Помпону, не смотря на свой проступокъ, достоинъ сожалѣнія. — Пожаръ кричалъ густыми дѣмъ по коридорамъ, наполненнымъ хлѣбомъ, бѣгомъ.

Серданъ ударилъ за собою Танкеру, Леберъ отца и сына. Огромные массы уже показывались на потолкѣ, вдругъ Помпону вскричалъ:

— Что съ мной? Гдѣ она?

— Она въ безопасности, шепнулъ ему Серданъ: «крестяне не трогаютъ бѣдную барышню, запертая ей колыску и она убѣжала въ Медеазелъ съ корзинкою и кошачьимъ. Маркиза ушелъ отъ страхъ.

Не успѣвъ они выйти изъ замка, началъ огонь охватывать все зданіе и гримиз обрушился съ трескомъ. Замокъ, однако, горѣлъ не такъ скоро, какъ пристройки и вассалы продолжали бѣгать по комнатамъ, дожать все и бросать въ окна дорогую мебель, зеркала, люстры, вѣнги. Изъ всего этого образовалась высокая костьеръ, который заглянул съ криками радости; они освѣщали три вѣнчалы. Только вѣнгалъ всаодомъ висѣлъ на нихъ трупы: Гертруда, Патуриэль, аббатъ Вульгаръ и сержантъ Ламонтанъ. Бѣданы, даго страданіе отъ феодаловъ, отъ духовенства и солдатчины, отступили, наконецъ, съестры врагамъ. Красное зарево распространилось далеко, пугая окрестныхъ владѣльцовъ, дрожащихъ при мысли о новой жонкѣ.

Салазуръ Леберъ отсалвалъ трупъ своего брата и дѣду, бѣгавго при началѣ огня зѣмля и, вырѣзавъ трупы съ помощію Танкеру, Сердана и Помпону, закопалъ его. Потомъ сказалъ:

— Друзья мои, мнѣ кажется, что еслибъ Серданъ и я были свободны, мы бы не допустили до пожара и истребленія. Все это принесетъ большаго вреда нашему дѣлу. Правда, грабъ могъ самъ избѣжать этихъ насиды, потому что ему предлагали мнѣ и наши законы, но они отворили колыску съ нами, и тогда хотѣлъ приставить на меня человѣчѣскихъ правъ. Ослабленныи гордымъ, они хотѣлъ, но обидѣли, употребивъ силу, но на отгдѣ рѣбы приписанные были съидѣло и отплатили ему тѣмъ же, что готовился для нихъ. Они повѣсили своего гос-

подина и сожгли его замкомъ. Брату граба придется много поправлять зѣбъ и на насасодъ, наложить новую подать, такжеже прокнхнхъ. Стало бы, мы же запалимъ за свѣ разрушенія, да и влателии наши не сдѣлаются богаче. Лучше бы они согласились на наше предложеніе; но они слышомъ презираютъ насъ для этого. Только спашомъ потокомъ крови, несомъ страшной мести, они рѣшились сдѣлать изъ вѣнгалору уступки. Но просьба же лѣтъ отбѣгаютъ взаимны. Велика реформа, религиозная и гражданская, стѣбитъ новую крону. Развѣ нельзя поступитъ иначе?

— Нельзя, отвѣчалъ Серданъ: «грады, духовенство защищаютъ свои права и добровольно никогда не откажутся отъ нихъ. Только необходимость заставитъ ихъ согласиться на уступки; но когда опасность пройдетъ, они стараются отгдѣть то, что дали.

— Однако, спашомъ каждой волю, народъ приобратитъ зѣмты, замкнмъ Помпону... Человѣчество, хоть медленю, но подвигается впередъ.

— Это наше единственное утѣшеніе, возрадилъ Салазуръ: «Если мы побѣдимъ, то съ мѣсто, что наши успѣи не пропали даромъ. Теперь намъ надобно направиться въ Реньвъ, помочь тамшешимъ жителямъ, въ Пантъ и Кемеръ тоже послѣдуетъ бѣдѣ. Вѣнгалъ послѣдуетъ дѣлу, Грелена, Довне, Сонтонъ, и Лудовикъ XIV ограничитъ права феодаловъ.

Феодръ Григорьевъ Волковъ.

Основатель русскаго театра, сынъ кромскскаго купца, родился въ 1729 году. Сначала воспитывался онъ въ Москвѣ въ заповѣдской академіи, гдѣ участвовалъ, во время слатковъ, въ прсствленіяхъ духовныхъ дѣлъ. Въ 1746 г. Сенатодѣлительный Волковъ отправленъ былъ въ Петербургъ въ вѣнчальную контору, для намыка въ бухгалтеріи и торговлѣ. Хозяйствъ Волкова звалъ его однажды въ придворный театръ. Съ этихъ поръ онъ получилъ непреодолимую страсть къ артистичному, и этому случаю Россія одолжена сценой. Въ 1750 году онъ въ Петербургѣ началъ еще въ зарѣженіе императрицы Анны Іоанновны, представлялъ расказы и золоторовы трагедіи. Волковъ часто бывалъ за кулисами и восхищался Бекетовымъ (кадетомъ) въ роли Сивана. Тутъ же зашла ему мысль устроить, но что бы то ни стало, театръ въ Ярославлѣ, и онъ сталъ учиться итальянскому языку, вникать въ устройство театра, присматривалъ и записывалъ все необходимое, и перевелъ нѣсколько вѣнчалыхъ итальянскихъ пьесъ.

Возвратясь въ Ярославль, Волковъ принялся обучать драматическому искусству своихъ меньшихъ братьевъ и сосѣднихъ дѣтей. Когда ученики немного повторили въ театральномъ дѣлѣ, Волковъ, въ день именинъ вѣнчалю своего, далъ первое представленіе въ козенномъ сараѣ, козломъ вѣнчалю превратился въ довольно порядочный театръ. Представленіе было «Феодръ», драма съ вѣнчалю: комедія «Бакъ Аркасеръ приказалъ отрубить голову Аману» и пасторалъ «Феомидъ и Бероа». Все было въ восхищеніи отъ артыаа, невѣданнаго дотогъ во всей Россіи. Ярославскій воевода Мушкетъ-Пушкинъ и швейцарскій Майковъ употребили значительныя суммы для постройки и обмѣнчленія драматическаго театра. Все это было и ученикомъ такъса сооположилъ театру, и вскорѣ небольшой ярославскій театръ торжественно открылъ свои представленія оперою «Титовъ мазеридомъ», которую Волковъ перевелъ съ итальянскаго. Слава ярославскаго театра достигла до Петербурга и императрица Елизавета повелѣла видѣть труппу его на своемъ комматномъ придворномъ театрѣ. Актеры Волкова представляли трагедію «Синавъ и Труверъ». Представленіе имѣло полный успѣхъ, и императрица отпустила Волкова съ его труппою при дворѣ. Въ 1756 г. Волковъ, во высочайшемъ возлѣ, посланъ былъ въ Москву для устройства и тамъ театра. Волковъ до самой смерти императрицы пользовался уваженіемъ всего двора и просвѣщеннѣхъ людей.

Екатерина II, при восшествіи на престолъ, задумала дать Петру дворянское достоинство и вѣнчалю Волковъ отказался, промъ удостоить отъиго его брата Гаврила. Государыня онамо его чужества и уважала просьбу перваго актѣра и основателя отечественнаго театра. Во время коронаціи, Екатерина II поручила ему устрой-

ство народныхъ предвѣнчалю, но Волковъ при этомъ проступился, отгнхался воспитаніемъ гонимъ и вскорѣ смерть похитила у Россіи этого необыкновеннаго человека. Волковъ не былъ жонкой и, какъ убѣгаютъ, никогда не влюбился. Онъ перевелъ много драмъ и писалъ стихотворенія.

Я. Г. Бранскій.

Яковъ Григорьевичъ Григорьевъ родился въ 1795 году и получалъ въ молодости самое скромное образованіе, какое могло быть достигну ему буднаго чиновника. Въ тогдешнее время все труднее было первоначальное воспитаніе, и Григорьевъ учился, какъ выражаются, на мѣдныи деньги. Добираться до университета было долго и трудно; надобно было поскорѣе ориентироваться на службу, которая тогда составляла приближеніе всѣмъ недорослячашимъ бѣднякомъ. Григорьевъ было не болѣе 14-ти лѣтъ, когда онъ поступилъ въ скромномъ званіи кописца въ сенатъ, и засѣлъ за периску бумагъ. Усердіе, трудолюбіе и хорошее поведеніе вскорѣ вывели его въ вѣнчалюнаго 14-и лѣтъ, а черезъ три года потомъ и въ губернскаго секретаря, такъ что уже мнѣ обшало званіе поваренка. Въ сѣнчатѣ онъ былъ и на то гдѣ разсѣявъ поступила иная. Давно и близко Григорьевъ въ сенатской службѣ—неманство, но ужъ, конечно, не допоздъ бы до сенатора, а на томъ поприщѣ, на которе судьба перебрела его, онъ достигъ степени первокласснаго артиста и оставилъ имя, которе будетъ памятиемъ многихъ сенаторовъ.

Григорьевъ, еще копискомъ, пристрастился къ театру и болѣе всего любилъ трагедіи. На 25-томъ мѣлѣ (вышнхнхъ 7 томъ) бѣгалъ онъ въ режиссѣ въ трагедіяхъ мало, болѣе артистѣ. Достигнувъ званія его благороднаго, онъ уже рѣшился по временамъ воспитать и полгненныи мѣста, гдѣ восталось талантами Яковлева и Шустерина, и это увлеченіе дошло до того, что онъ рѣшился вступить на театръ.

Въ бытность свою, страсть къ театру случилась несомнѣнно пріятною приваженію и даже таланта: о предварительномъ изученіи искусства ни онъ и не думалъ. Да и у кого учиться, когда вѣтъ учителя? Если кто и выдастъ себя за профессора, то стоить только спросить его: у кого они самъ учился? Но тогда это былъ важный вопросъ для каждаго, вступающаго на сцену. Тогда первымъ учителемъ былъ сперва Дмитревскій, одинъ изъ основателей русскаго театра при Елизаветѣ, а послѣ того князь Шаховской, который, конечно, самъ ни у кого не учился драматическому искусству, но свмѣся съидѣмъ дѣловъ своею театральною службою и своими сочиненіями. Тогда трудно было поспѣть въ актеры безъ строгаго испытанія. Григорьевъ явился къ князю и просился въ актеры. Шаховской былъ человекъ добрый и снисходительный, но чтобы получить къ нему доступъ, надобно было пройти дѣвъ заставы: канцелярера его Мазара и знающаго съ княземъ артисту Ежову. Григорьевъ счастливо прошолъ ихъ. Князь осмотрѣлъ его: вѣнгалъ Григорьевъ поправился само. Онъ былъ средняго роста, довольно развитенъ, а 19-ти-лѣтній юноша всегда почти красивъ собою. Шаховской заставилъ его прочесть пьесъ «Дмитрій Донской» нѣсколько тираждъ, остался доволенъ его смѣлостью и звучностью голоса. Бранскій отгдѣталъ его на сценѣ въ роль Жданована. Онъ ему далъ роль Бранскаго, наперсника Донскою, и какъ тогда считалось нѣприятельнымъ для званія чиновника и губернскаго секретаря выйти на сцену подъ своимъ именемъ, то Шаховской и окрестилъ Григорьева Бранскимъ. Съ этихъ мнѣвѣтъ онъ и остался на всю свою жизнь, и вѣнчалю, много рожденіемъ и почетомъ Григорьевъ полагалъ этуему вѣнчалю. Бранскій отгдѣталъ его въ роли вѣнчалю: очень хорошо, хотя и не былъ замѣчѣнъ публикою, и нѣсколько времени потомъ ходилъ по улицамъ, какъ говоритъ, обивать пороги у князя Шаховского. По частію, въ это самое время, пришла князю Шаховскому счастливая мысль образоватъ молодую труппу. Учитель драматургій въ театральной школѣ, Шаховской давалъ тѣмъ спектакли съидѣмъ Богомъ, въ 1818 г. восталъ и чащѣ; Бранскій отгдѣталъ его въ роли вѣнчалю: очень хорошо, хотя и не былъ замѣчѣнъ публикою, и нѣсколько времени потомъ ходилъ по улицамъ, какъ говоритъ, обивать пороги у князя Шаховского. По частію, въ это самое время, пришла князю Шаховскому счастливая мысль образоватъ молодую труппу. Учитель драматургій въ театральной школѣ, Шаховской давалъ тѣмъ спектакли съидѣмъ Богомъ, въ 1818 г. восталъ и чащѣ; Бранскій отгдѣталъ его въ роли вѣнчалю: очень хорошо, хотя и не былъ замѣчѣнъ публикою, и нѣсколько времени потомъ ходилъ по улицамъ, какъ говоритъ, обивать пороги у князя Шаховского. По частію, въ это самое время, пришла князю Шаховскому счастливая мысль образоватъ молодую труппу. Учитель драматургій въ театральной школѣ, Шаховской давалъ тѣмъ спектакли съидѣмъ Богомъ, въ 1818 г. восталъ и чащѣ; Бранскій отгдѣталъ его въ роли вѣнчалю: очень хорошо, хотя и не былъ замѣчѣнъ публикою, и нѣсколько времени потомъ ходилъ по улицамъ, какъ говоритъ, обивать пороги у князя Шаховского.

А. С. Яковлевъ.

тогда домъ Кушелева (теперь главный штабъ), часть котораго явилась театральная дирекція для помещенія тамъ немецкаго театра: директоромъ его былъ Кюнебу, а потомъ Кампенаузенъ, и въ немъ давались самыя патриархальные спектакли; зрители, во время представленій, вѣли кофе, а зрительницы вѣзали чучки. Но какъ нѣмцы въ почтовые дни: вторникъ и пятницу, не играли, то Шаховской устроилъ въ эти дни представленія своей молодой труппы. Для нея-то нуженъ былъ ему Бранскій, потому что у него въ школѣ не было молодыхъ любовниковъ.

Бранскій поступилъ въ эту труппу, съ жалованьемъ по 300 руб. ассигнаціями въ годъ, и

выступилъ на сцену Видоставомъ въ «Русалкѣ». Въ этой роли, конечно, никто не могъ быть хорошею, но ее вѣсегда игралъ даже Яковлевъ, а Бранскому страхъ какъ хотѣлось играть роли этого знаменитаго актера. Но до этого было еще далеко. Въ молодой труппѣ играли все одноклассники, школьные, пробныя пьесы, и публика ходила туда только потому, что было дешево и что играли молодые воспитанники. Между тѣмъ, тамъ образовались замѣчательные таланты: Бранско, Сосницкаго, Рамазанова, Величина и др. Любопытно, что актеръ не вышелъ ни одной изъ этой труппы. Первая любовница была тамъ Шараева, известная только тѣмъ, что вышла за Яковлева.

Наконецъ, въ концѣ 1814 года, Бранскій поступилъ въ большую труппу, въ роли графа Пронскаго, въ комедіи Шаховскаго: «Полубарскія зѣлѣ». И это была довольно жалкая роль, но, по крайней мѣрѣ, публика стала привыкать къ нему. Еще болѣе вознахалился онъ въ новой комедіи Шаховскаго «Липецкія воды», имѣвшей тогда громадный успѣхъ по глазнымъ стихамъ, но въспоминаемымъ и походахъ 1812—1814 г., а болѣе всего, по удивительной совокупности, съ которою актеры разыгрывали пьесу. Главная заслуга Шаховскаго состояла въ томъ, что всѣ актеры были его ученики. Тутъ впервые проявился талантъ Сосницкаго, котораго до тѣхъ поръ вовсе не знали. Тутъ блеснула талантомъ Вахтерхова въ комедіи, тогда какъ до тѣхъ поръ была жалкою соперницею Семеновой въ трагедіяхъ. Тутъ увидѣли всѣхъ своими талантами прелестная субретка Асенкова (мать прославившейся потомъ Барбары Николаевны Асенковой), мольберскій слуга Рамазановъ, комизъ Величинъ и, наконецъ, первый, хотя и холодный, любовникъ Бранскій.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ любовникъ, онъ былъ очень холодевъ, и самъ чувствовалъ отвращеніе къ этому гауптну амалу. Ему хотѣлось играть, то-есть, выразить борьбу страстей и безгороднаго чувства. Онъ умолялъ Шаховскаго дать ему играть въ трагедіяхъ, и тотъ, не желая выводить своего ученика въ старыхъ пьесахъ неизбѣжнымъ соперникомъ Яковлева, перевезъ для него фран-

Я. Г. Бранскій.

цузскую трагедію «Абуеаръ», гдѣ братъ и сестра (Бранскій и Семенова) влюблены другъ въ друга и скрываютъ эту страсть до роковой развязки, когда открывается, что они не родня. Бранскій прекрасно сыгралъ свою роль, и публика въ первый разъ поняла, что онъ обладаетъ первокласснымъ талантомъ. Осуждали его только ультраклассики. Онъ съ чего-то выдумалъ читать стихи естественнымъ образомъ, а не на распѣвъ, какъ требовала трагедія. Самъ Шаховской, учитель его, допускавшій эту простоту и естественность, до такой степени повертоса чужакамъ своего артистическаго круга (который тогда занимался еще русскою литературою), что принужденъ былъ

Разливъ Вислы

О. Г. Волковъ.

и «Отелло» Дюссеса. Кромѣ распѣванія стиховъ, въ которыхъ онъ не подражалъ своему предшественнику, Брянскій во всемъ прочемъ исполняя эти роли такъ хорошо, что публика назвала его достойнымъ преемникомъ Яковлева.

До 1820 г. Брянскій былъ единственнымъ представителемъ нашей драматической сцены въ первомъ амбула; но въ этомъ году явился Каратыгинъ, который вводитъ напоминая Яковлева, только съ болѣею образованностью. Онъ совершенно утратилъ публичку, и Брянскому пришлось отыскать себѣ всѣ первыя роли. Но, перебѣд и на второстепенныя, Брянскій остался первымъ актѣромъ. Финлихъ въ «Дон-Карасѣ», Христеръ въ «Юанитъ, герцогъ-финландскомъ», Яго въ «Отелло», Францъ Мооръ въ «Разбойникахъ», Миллеръ въ «Коварствѣ и любви», Старинъ въ «Фингалѣ», Мининъ въ «Рука всевышняго отечество спасая», Эдипъ, Шеняевъ, Варнеръ въ «Жизни игрока», Цедрикъ въ «Ивангое», Ваалтеръ въ «Янесской сиротѣ», Уголио, Квизмодо и др., всѣ эти роли, не бывши первыми ролями, дѣлались первыми при исполненіи Брянскаго.

Репертуаръ его былъ чрезвычайно обширенъ, и невозможно посчитать всѣ его роли; но въ послѣднее время игралъ онъ и комическія. Фамусова въ «Горѣ отъ ума», «Езопъ у Ксанфа», «Домашній театр» Загоскина, принадлежали къ лучшимъ его ролямъ.

Послѣдняя роль, сыгранная имъ на сужобъ была роль Калопира въ трагедіи «Святославъ» В. Зотова. Простудивъ почти 23 лѣтъ, онъ рѣшился отдохнуть въ своемъ многочисленномъ семействѣ, получивъ пенсію въ 4,000 ас. (1,127 руб. сер.), но бездѣятельность скорѣе надѣло ему, и онъ опять вступилъ на сцену и вышель въ роли Езопъ. Публика приняла его съ восторгомъ, и онъ опять завладевалъ прежніи свои роли. Однако, чувства ослабѣли въ немъ, онъ игралъ не болѣе трехъ лѣтъ, и снова выходя въ отставку, отправился въ Самару, надѣясь въ лучшемъ климатѣ поправить разстроенное здоровье.

П. А. Дмитревскій.

Не болѣе года выдержалъ онъ провинціальную жизнь, въ которой званіе актѣра возбуждаетъ ненавистность помѣщиковъ. Еще разъ поступилъ онъ на сцену, и продолжалъ свое прерванное поприще, раздѣлая завры съ Каратыгинымъ. Вдругъ въ 1852 году онъ почти скоропостижно умеръ, никогда не хворавъ до тѣхъ поръ.

Это была бы незамѣтная потеря для театра, еслибы репертуаръ оставался все тотъ же. Но съ измѣненіемъ вкуса публики и направленія драматургіи, такіе актѣры, какъ Брянскій, Каратыгинъ, Сосницкіи сдѣлались совсѣмъ ненужными. Те-

совѣтовать Брянскому нейти наперекоръ всеобщаго мнѣнія. Всѣмъ обязанный Шаховскому и послушный ему во всемъ, Брянскій только въ этомъ не повиновался и во всю жизнь сохранилъ свою личнѣсть. Дѣтъ черезъ 13-ть лѣтъ потомъ его же обвинили, что онъ поестъ стихи—такъ быстро поелъ всѣхъ публику въ простотѣ и естественности.

Скорѣе умеръ Яковлевъ, и Брянскій сдѣлался его преемникомъ. Борьба была трудна, но только по причинѣ привычки публики къ Яковлеву, который въ послѣдніе годы игралъ очень слабо, отъ образа своей жизни. Чтобъ побѣдить этотъ предрасудокъ, Брянскій началъ съ двухъ лучшихъ и сильнѣйшихъ ролей Яковлева: Юданъ въ «Гевоніи»

Переправа черезъ рѣку на ходуляхъ.

перь намь довольно Леонидовых, Пальских, Степановых и tutti quanti. Есабь воскресил Яковлев в Семенов—ихъ осмыслил бы.

Бранскій, не получивъ литературнаго образования, такъ развивалъ врожденнаго своего проща, что когда ввелъ въ русскую драматургію пьесный пяти-стопный ямб, то есть, рубленую прозу, то и онъ, явивъ всю легкость этого стиля, привнесъ нововведеніе Франца Ш. Шекспира, переводчикъ прозаическаго перевода переводъ въ пятистопные стихи, безъ ямбъ. Другую плутовъ перевелъ онъ съ французскаго (мелодраму «Полюдеръ, астердамскій палачъ»), вовсе не зная по-французски, но со словъ одного знакомаго.

Въ домашней и общественной жизни Бранскій былъ образцомъ пріятнаго собеседника и самаго радушнаго и гостеприимнаго хозяина. Онъ болѣе 10-ти дѣтъ жилъ на казенной квартирѣ, на углу Овечьей-улицы, гдѣ теперь «Hotel du Nord»; тутъ почти ежедневно собирався въ немъ знакомые и сослуживцы, и, конечно, мало было въ Петербургѣ домогъ, гдѣ бы можно было пріятно провести время. Подобнымъ же гостеприимствомъ и радушіемъ славился въ те времена домъ Сокольника, и это было самое прекрасное соперничество. Болѣе всего, разумеется, были дружною и душою собранія добрыхъ и прекрасныхъ хозяекъ, которыхъ обѣ были отличными актрисами. Тѣ же, которые пользовались этимъ гостеприимствомъ, конечно, никогда не забываютъ этихъ пріятныхъ вечеровъ. Теперь все это давно прошло, потому что нѣтъ театра и литературы, но и общественной жизни все изменилось.

Р.—

Раздѣль Вислы.

Последній раздѣль Вислы памятенъ еще жителямъ навалескихъ губерній, по своей исключительной продолжительности и опустошеніямъ, которыя онъ произвелъ во многихъ мѣстностяхъ, не исключая Варшавы и ея окрестностей. Потери были огромны и тѣмъ опустоженіе, что онъ нанёсъ на бѣдныя вѣсны дѣтей, и болѣе того терпѣній во всемъ недостатокъ. Правительство сдѣлало, что могло, для облегченія бѣдствій, но пострадавшихъ отъ наводненія было такъ много, что даже собрать свѣдѣнія обо всѣхъ жертвахъ развала. Онъ принесъ только одну пользу, о которой мы говорили въ свое время: оставилъ, во многихъ мѣстностяхъ, на поляхъ, густую плодотворную массу растительнаго происхожденія, изъ которой вздували потомъ пригодную бумажу. Но это было, конечно, самое вознагражденіе за всѣ убытки и потери, понесенная бѣднѣежн. Квѣтъ нечеловѣка была картина развала рѣки, но, въ то же время, она не явилась бы своего рода величія и живописности. Вода покрывала необозримыя пространства и неслась съ неудержимымъ слогомъ, увлекая лошадей, стада, бревна разрушенныхъ хлѣвнъ, соломенныхъ деревьевъ, палатки, кровли, убогий домашній скрабъ, даже колодези дѣтъ и гробы съ размытою кладбища. Много имущества погибло въ этой катастрофѣ, но по счастью, разярившаяся рѣка потонула немного людей, и когда она вошла въ свои берега, бѣдныя мѣста, по правой рѣкѣ, благодарятъ судьбу за то, что она не потонула ихъ, вмѣстѣ съ ихъ жалкими хлѣвками.

Яковлевъ.

У всякой цивилизованной націи, у которой была драматическая литература, были и великіе актѣры, имена которыхъ сохранились въ исторіи искусства. Древній Римъ имѣлъ своего Россія, Англія—Гаррика, французы—Талма, въиамъ—Вольанда; у русскихъ, мало еще развитыхъ въ драматургіи, былъ Яковлевъ, и, конечно, это имя принадлежало болѣе преданію, потому что немного изъ современниковъ видѣли его, а если кто и помнитъ, то не можетъ сдѣлать никакого сравненія съ нынѣшними актѣрами. Теперь другая литература, другое искусство, другой вкусъ. Всякій вкусъ хорошъ въ свое время, потому что выражаетъ общественное мнѣніе своей эпохи, и мы напрасно осуждаемъ прежнее поколѣніе. Будущее будетъ смѣяться и надъ нынѣшнимъ вкусомъ.

Жизнь Яковлева не разъ была описана, но биографіи эти еще слишкомъ близки къ эпохѣ его смерти, и потому много осталось невысказан-

ныхъ. Постараемъ съ полнымъ безпристрастіемъ рассказать исторію его поприща: оно занимательно и поучительно. Мы лично видѣли его, знали и можемъ описать тогдашнюю эпоху. Во многихъ отношеніяхъ мы далеко ушли впередъ, и радуемся всякому прогрессу; но въ областяхъ отразилъ искусства, особенно по нашему бѣдному, національному театру, который составляетъ часть нашей народнаго славья, много еще остается намъ желать. Впрочемъ, тѣ, до кого это касается, думаютъ съ докторомъ Пангосомъ, что все идетъ лучшимъ образомъ въ лучшемъ изъ театровъ на свѣтѣ.

До 1771 года существовала на нынѣшнемъ жемствѣ деревенный гостинный дворъ, и въ немъ кромѣшторной купецъ Семевъ Яковлевъ имѣлъ свою лавку и производилъ довольно хорошей торгъ. Вдругъ въ этомъ году гостинный дворъ сдѣлался шерстоюю и болѣе частыя купцовъ липнущихъ своего достоинства въ томъ мѣстѣ былъ Яковлевъ. Екатерина II приказала построить каменный гостинный дворъ, но люди были еще разорены. Яковлевъ черезъ два года умеръ, оставя вдову и сына Алексѣя (родившагося въ 1773 г.), то есть за годъ до смерти отца. Продавая небожнюю торгъ, вдова прожила еще три года, и тоже умерла, а Алексѣй остался круглымъ сиротомъ, пощъ опекою купца Шапошниковъ, который и взялъ его къ себѣ въ домъ у Вознесенскаго моста.

До 10-ти дѣтъ опеку не находилъ нужными, и мать не выжила тремъ; но судьба была не ожидающая учителя. Подъ дома опекуна былъ мальскій церковный домъ и Алексѣй сжестиво обгадъ туль въ пресвитаръ, у которой была молодая дочь. Какимъ-то чудомъ та была грамотная, и видя совершенное невѣжество молодого пресвитаря мальчика, она принялась учить его всему, что сама знала. Узнавъ объ этомъ, опекуны отдалъ его въ приходское училище (въ томъ же церковномъ домѣ), и черезъ два года вывелъ его оттуда, чтобы посадить въ лавку торговца. Любопытны тогдашніе агтѣсты. Въ два года Яковлевъ научился французскому, итальянскому, немецкому и французскому языкамъ, аріевѣдѣнію и риторикѣ. Такъ было на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ Яковлевъ ничего больше не зналъ, какъ читать и писать. Хозяину его болѣе и не нужно было. Такимъ образомъ, 13-ти дѣтъ посадили Яковлева въ лавку торговца.

Тутъ онъ свѣтъ знакомство съ однимъ шляхтичомъ таинкъ же дѣтъ, и цѣль знакомства, по общему, состояла въ томъ, чтобы выискать читателю. Болѣе всего нравился имъ стихи, и онъ ихъ цѣлъ выискивалъ. Онъ тутъ узналъ это, и стихи, что молодые люди будутъ, и пріятельны видѣться. Разумеется, друзья продолжали свиданія, только только отъ хозяина. Однажды, шляхтичу удалось быть въ театрѣ: онъ видѣлъ трагедію, и рассказалъ ее Яковлеву. Тотъ разспрашивалъ до малѣйшей подробности, браннѣ пріятеля, что онъ не затерялся на одного молодого и, наконецъ, спросилъ его: «А что же дѣлають друзья актѣры на сценѣ, когда одинъ говоритъ?»—«Ничего! Смотрятъ на него. Что бы имъ дѣлать?»—«Какъ что? возразилъ Яковлевъ:—они должны показывать зрителю своимъ движеніемъ, что онъ чувствуетъ то, что говорится. Это замѣчаніе предвѣщало уже будущаго артиста, и можетъ служить урокомъ многимъ актѣрамъ нашего поколѣнія.

Театръ развивался воображеніе друзей, и они рѣшились сами сыграть трагедію. У шляхтича былъ братъ, и они втроемъ разучили «Дмитрій Самозванецъ», въ которомъ Яковлевъ игралъ роль Кесіи. Послѣ того выучили они «Магометъ» и Яковлевъ опять игралъ женскую роль. Наконецъ, самому Яковлеву удалось понасть въ театрѣ (который тогда былъ на Царинскомъ аугу). Игралъ женскую роль—«Три брата Самозвѣтъ» («Die Drillinge»), переводимую на русскіе ярыны и Яковлева болѣе всего удивило то, что актѣръ Гомбургъ представлялъ три роли и умѣлъ такъ разнообразить свою игру, что товарищи были съ нимъ обѣ закладъ, что это три актѣра. Вторая пѣса, которую Яковлевъ видѣлъ, былъ «Коріоланъ»; но, пристрастясь къ театру, онъ нисколько не думалъ еще идти на сцену. Напротивъ того, онъ воображалъ себѣ, что онъ поэтъ. Въ это время въ Петербургѣ застрѣлался одинъ офицеръ, которому отецъ не позволялъ жениться на любимой имъ двубицѣ, и Яковлевъ сдѣлалъ изъ

этого роля одноактная пѣсы въ стихахъ, которая и вышла успѣхъ.

Впрочемъ, книжныя занятія окончательно посорили его съ опекуномъ, и онъ отомошь отъ него, снявъ въ зѣральной линіи гостиннаго двора окошко, гдѣ открылъ торговлю галантерейными товарами. Здѣсь онъ свободѣ сдѣлать онъ по цѣлымъ днямъ и читалъ книги. Для гостиннаго двора это было тогда очень рѣдкое занятіе, и оно обратило на себя вниманіе одного барина, который нѣскіе день проходилъ по этой линіи, для въ дождь и возвращался изъ нея. Это былъ директоръ банка, Николай Ивановичъ Перенчикъ. Онъ разговорился съ Яковлевымъ, и пригласилъ его къ себѣ, и это знакомство рѣшило судьбу бѣднаго господинадвора. У Перенчика познакомили онъ съ Дмитревскимъ, который былъ тогда первымъ актѣромъ и учителемъ драматическаго искусства. Передъ нимъ прочелъ Яковлевъ въскокую трагедію изъ трагедій, и Дмитревскій, завлившись быть его наставникомъ, угворилъ дебютировать.

Въ тѣ времена имѣли такіа страннаго идеи о званіи актѣра, что бѣдный смѣлѣецъ колебался вступить на это поприще. Ему много стоило труда преодолѣть этотъ предрасудокъ, и 1-го июня 1794 года посвятилъ первый дебютъ Яковлева въ трагедіи Сумарокова «Семира», въ роли Аскольда. Публика приняла его очень хорошо. Второй дебютъ былъ, 2-го іюня, въ комедіи «Ренувиль», въ роли Дорота, и несмотря на всю безснѣдность ея, онъ тоже имѣлъ успѣхъ. Наконецъ, пріятель дебютъ, въ трагедіи «Синавъ и Труворъ». 30-го іюня, Яковлевъ рѣшительно поправился публикѣ и съ 1-го августа принять былъ на службу.

Сначала Яковлевъ игралъ все въ трагедіяхъ Сумарокова и сценическіе недостатки его скрывались неестественностью пѣсь и надутостью фразъ. Игралъ онъ тоже въ тогдашнихъ операхъ «Русскія» и «Поль-богатыря» невзначай роли Владислава и Синавъ (разумѣется, безъ пѣнья), но тогда съ появленіемъ трагедій Княвнина сдѣлалъ онъ любимѣе публики. «Русскія», сдѣлавшая вымышленная изъ пѣсь этого писателя, имѣла тогда огромный успѣхъ отъ игры Яковлева, точно такъ, какъ «Донъ», тоже очень слабое произведеніе, отъ игры Шумерина.

Любопытно, что Княвнинъ написалъ тогда комедію «Хвастуны», довольно жалкую передѣлку французской («Le glorieux»), и Яковлевъ игралъ въ ней Верхолета во французскомъ капитанѣ. Но публика уже любила его и анодировала ему даже въ этой роли. Лучшее пѣсьео Княвнина была комедія «Божья воля», и Яковлевъ игралъ въ ней чудную роль своего репертуара. Хорошо онъ также былъ въ «Магометѣ», Волтера, и въ «Альзабѣ», несмотря на плохую ихъ переводъ.

Наконецъ, наступилъ періодъ Озерова, и музыкальные стихи его прекрасно звучали въ устахъ Яковлева. «Фингалъ» и «Дмитрій Донской» возвели его рѣшительно на степень первокласснаго актѣра. Но до сихъ поръ онъ былъ трагикъ въ смыслѣ тогдашнихъ идей публики, т. е. первоначально читалъ и выражалъ стати, дѣйствія, объясняя, какъ бы на ходуляхъ, потому что этого болѣе не позволяли условія классицизма. Истинный же талантъ его явился въ комедіяхъ и вѣнскихъ комедіяхъ Воланда и Копельо, гдѣ уже выставлялся не герон, а простые люди со вседневными ихъ чувствами и страстями. Въ «Евфеміи» съ людьми и расканіемъ роль Мейнау была истиннымъ торжествомъ Яковлева. Самый чертовый зритель плакалъ въ послѣдней сценѣ. То же всегда было и въ «Усустахъ подъ Наумбургомъ», гдѣ онъ игралъ Вольфа.

Изъ переводныхъ трагедій французскаго школы, которая стала въ это время безпрестанно автѣрять, Яковлевъ былъ первоходивъ въ «Гамлетѣ» Доссеа и въ прозаической пестрѣтѣ «Отелло» Шекспира, также въ передѣлкѣ стихами волтерова «Эдипа Гравинскимъ». Наконецъ, одна изъ переводныхъ пѣсь, «Гевонія», Расина, была вѣнцомъ славы Яковлева. Вѣрно со времени созданія этой пѣсьеу лучшаго Юда не было, потому что Яковлевъ вновь былъ нанятъ въ бѣдному театру и самъ написалъ въ это время пѣсю «Торжество Виргуса». Эта роль поставила его окончательно на степень первого современнаго актѣра.

Любопытно, что, достигнувъ этого апогея, Яковлевъ сталъ падать нравственно и физически.

Онъ былъ холостъ и влюбился въ одну замужнюю женщину, которая сперва не отвѣчала на эту страсть; онъ началъ съ горя пить, а это доведо его до меланхолии. Въ 1814 году онъ, въ припадѣхъ этой болѣзни, рѣшился на самоубійство, но порѣзъ бритвою по горлу былъ, по счастью, не глубокъ; его спасли и вылечили; распустили вѣзъ вверхъ, онъ женился на воспитанницѣ театральнаго училища Шареной и вѣздъ отъ этого брака до сихъ поръ. Онъ былъ очень удаченъ въ мѣхъ въ постановкѣ философскихъ сѣтъ, и хотя игралъ попеременно на сценѣ, но это уже было въ преклоннѣ Яковлевъ. Онъ исполнялъ роли все слабые и слабые.

Такъ прошло двадцать три года. Въ юнѣ 1837 года назначенъ былъ на Маломъ театрѣ (1837 года), и Яковлевъ, осьмидесяти рукоприкладцами, сыгралъ уже два акта. Вдругъ въ антрактъ объявилъ, что онъ болѣзнь и не въ состоянн оканчить пьесы. Думали, что слово болѣзнь имѣетъ иное значеніе, но онъ дѣйствительно захворѣлъ и, пролежавъ три мѣсяца, умеръ 3-го ноября того же года.

Его вѣковичю похоронили, двѣмъ дѣла беневолю, доктору пенсію (1,333 р. ас.), и онъ въ 17-летній театра остана лучшимъ спическимъ представителемъ своей эпохи. Тѣ же, которые лично знали его, могутъ прибавить, что это былъ человекъ добрый, честный и благороднѣйшихъ нравствъ.

Р.—.

Дмитревскій.

Иванъ Агасеевичъ Дмитревскій былъ сынъ проторея Дьяконова и родился въ Ярославѣ 1734 году, учился въ семинаріи, потомъ въ именномъ наставн. Живя въ удѣльномъ городѣ съ актѣромъ Волковымъ, Дьяковъ часто участвовалъ въ его представленіяхъ и иногда игралъ женскія роли. Когда Волковъ прѣѣхалъ со своею труппою въ Петербургъ, Дмитревскій узналъ, что Дьяковъ имѣлъ планъ женскія роли, приказавъ прѣѣхать его въ Парекъ-Село, и замѣтилъ, что онъ выходитъ на одного изъ ея приторныхъ слушателей, Дмитревскій, приказавъ называться ему этимъ именемъ. При учрежденн въ 1756 году императорскаго театра, Дмитревскій получалъ званіе приторнаго актѣра. Въ 1765 году ѣздилъ онъ за границу для усовершенствованн въ искусствѣ и прѣобрѣлъ призы Лекона и Гаррика. Въ 1767 г. онъ былъ первымъ приторнымъ актѣромъ и впоследствии труппы. Прѣвосходнѣе онъ отличался въ трагическихъ роляхъ, а также въ драмахъ. Съ величайшимъ искусствомъ игралъ «Веревка» и «Мизантропъ», «отсѣзаннаго» и «раздѣчнаго» въ комедіяхъ. Онъ не имѣлъ славыной груди и потому много входила его лучше въ комедіяхъ. При учрежденн театральнаго школы, Дмитревскій неуменно старался о усовершенствованн молодыхъ талантовъ. Онъ поставилъ на сцену «Недоросль». Въ 1787 г. увелилъ онъ должности актѣра, но остана прѣтерпѣвъ въ угнѣтность долгу. Въ 1797 г., по волю Павла I, игралъ на анжиконскомъ театрѣ въ Дѣлѣ Саломеи. Въ 1812 г. восьмидесятилѣтній Дмитревскій явился въ послѣдній разъ на сценѣ въ пьесѣ «Всеобщее осповѣдѣ». Умеръ 27-го октября 1821 года. Замѣчательно, что во все время продолжительнаго жука, Дмитревскій не имѣлъ ни одного беневолю. Онъ былъ женатъ на Аграфѣѣ Михайловнѣ Мусиной-Пушкиной.

Дмитревскій также занимался литературою. Изъ сочиненій его извѣстны мѣлкія стихотворенія и переводы нѣсколькихъ театральнахъ пьесъ. До сего времени своей занимался онъ сочиненіемъ исторіи русскаго театра, которая, однако, пропала безъ вѣста.

Переправа черезъ рѣку на ходуляхъ.

На границахъ Галліи, въ Карнатахъ, какъ и во многихъ горныхъ мѣстностяхъ, горные рѣчки, въ которыхъ потомъ составляется глубокія и широкая рѣка, обыкновенно не широка и мелка, хотя и быстры при своемъ истекѣ. Между тѣмъ, наступаяхъ многоводнѣе стада и оводы, часто переправлялись черезъ такую рѣку, при перевѣзѣхъ наспѣхъ. Чтобы не входить часто въ воду, галліицы горцы (горпассѣ) совершаютъ обыкновенно такія переправы на ходуляхъ. Впереди стада, часто очень многочисленнаго, идетъ папѣрокъ, прокладывая и указывая дорогу крупному

и мелкому рогатому скоту. Другіе папѣроки становятся въ самое русло рѣчки, поперекъ его, чтобы удерживать коровъ или овецъ, которые, испуганные шумомъ потока и быстрою теченіемъ, бросаются въ сторону. Наконецъ, послѣдніе папѣроки идутъ позади стада и подгоняютъ отсталыхъ, заблудившихъ и трусливыхъ дѣлными, заостренными шестами, которые, въ то же время, помогаютъ имъ самимъ переправляться черезъ потокъ, опуская ихъ внизъ и вытѣкая глубжею. Часто въ рѣчкахъ такихъ переправъ, особенно въ бурную погоду или во время грезъ, бывають очень живописны и переправа не всегда оказывается совершенно благоугодно, если дождя увеличилъ силу потока и изменилъ мѣсто брода.

Задачи общей физиологіи.

(Слѣтъ Клода Бернара).

III.

Животный организмъ составляетъ живую машину, которая дѣйствуетъ по законамъ механики и обыкновенной физико-химіи и посредствомъ особеннаго процесса организованаго матерн; но живыя существа имѣють, сверхъ того, необходимую характеристику: они умирають или разрушаются. Они должны воспроизводиться въ родѣ въ родъ, чтобы служить только представителямъ жизни, которую можно считать физическою. Назъ остается, следовательно, обязать теоріи феномена этого органическаго воспроизведенія. Эти всегда считаны самыми таинственными и, следовательно, самыми трудными для примененія къ физико-химическимъ законамъ.

Произведеніе новаго живаго существа, какъ равно и вскрѣшеніе его, составляютъ истинно-органическое созданіе, происходящее черезъ наши газамн. И, однако, эти органическія созданія состоятъ изъ особеннаго молекулярнаго (частичнаго) соединенія органическаго матерн, потому что элементъ живыхъ тѣлъ животного организма тѣ не самыя, какъ безжизннаго. Съ химической точки зрѣнія, созданіе живаго матерн не что иное, какъ развитіе безчисленнахъ минеральныхъ комбинаціи, происходящихъ въ космическомъ мѣрѣ вслѣдствіе новыхъ молекулярныхъ и химическихъ соединеній, происходящихъ вокругъ насъ. Что же касается первоначальнаго источника, то онъ назъ, на въ какомъ случаѣ, неизвѣстенъ. Въ томъ мѣрѣ, который извѣстенъ науцѣ, ничто не создается и ничто не исчезаетъ; происходитъ только измѣненіи на матерн и силъ, уравновѣшывающей феноменъ притока.

Живыя тѣла состояють изъ нестойкаго соединенія, разлагающагося безпрестанно подъ окружающахъ имъ космическимъ вліяніемъ. Только съ этимъ условіемъ живутъ они, и органы живаго матерн истощаются и истребуются точно также, какъ и органы безжизннаго матерн. Чтобы живыя могла продолжаться, надобно, чтобы органическаго матерн, составляющаго гистологическія элементы организма, возобновлялось. Мѣрѣ своего развитія, такъ, что первично живыя могутъ послужить слугу организацин, производящую эту живую машину и возобновляющую безпрестанно ея потерн.

Древніе физиологы, анимисты и виталисты, замѣтили эту двойственность феноменовъ живыхъ существъ, а потому они допускали, что внутреннн принципъ жизни находится въ безпрестанной борьбѣ съ внѣшними физико-химическими силами, составляющими агентствъ-разрушительскія организмовъ. И однако, если физико-химическія вліянія составляютъ причину смерти, или разложенія живаго организма, то это не значитъ, какъ полагаютъ виталисты, что между феноменами жизни и физико-химическими явленіями существуетъ противоположность. Напротивъ, мы видимъ совершенную и необходимую въ нихъ гарантію, потому что причины разрушающаго живую материю, тѣ же силы, которыя служатъ къ обнаруженію ея свойствъ, т. е. способствуя къ ея жизни. Это еще мѣнѣе доказываетъ, чтобы существовала боррба между двумя принципами, изъ которыхъ одинъ является причиной смерти, а другой ее же побѣждаетъ. Словомъ, въ живыхъ тѣлахъ нѣтъ двухъ отдаленныхъ силъ, въ которыхъ одна создаетъ организованную материю, ея характеристическими свойствами, а другая истребляетъ ее, хотя, вѣдѣтъ съ тѣмъ, и служатъ для жизненныхъ проявленій: существуютъ только

гистологическіе элементы, отправляющіе свое назначеніе — и всѣ по одному и тому же закону.

Мы знаемъ, что есть элементы мускульные, нервныя, желѣзистыя, служащія для манифестаци феноменовъ чувствительности, движенія, отдаленія сокровъ; есть также элементы ядрѣнные и пластматическіе, имѣющіе свойство создавать новыя существа и поддерживать питаніемъ жизненнй механизмъ; но эти превратительныя и питающія элементы вѣдѣются и умирають какъ другіе, совершая свое отправленіе, съ условіемъ безпрестаннаго возобновленія. Такъ въ безжизннахъ машинѣ работники утомляются и истощаются, какъ при постройкѣ, такъ и при поправкѣ машинныхъ колѣсъ. Следовательно, феноменъ органиченнаго или органическаго созданія не болѣе и не мѣнѣе таинственнаго для физиолога, какъ и всае другіе. Они существуютъ въ гистологическихъ элементахъ и имѣють свое физико-химическія условія существованія, очень точно определенныя.

Органическіе элементъ живыхъ существъ состоятъ въ микроскопическомъ ядрѣхъ, въ ядрѣ, или спермѣ зародка. Этотъ элементъ, безспорно, самый удивительный, потому что мы видимъ въ немъ возможность образованія и развитія цѣлаго организма. Правда, этимъ феноменамъ не престають удивляться, имѣя ихъ всегда передъ глазами, и какъ Монтанъ говоритъ: «примѣчай отнимать всю странность». И однакожъ, что можетъ быть удивительнаго въ этомъ органическомъ ядрѣ, при которомъ мы участвуемъ, и какъ можемъ мы сбавить его съ идею о матерн ядра? Когда всесобна физиолога хочетъ, напримеръ, дать себѣ отчетъ въ мускульной силѣ, то подтверждаетъ, что сжимающая сила дѣйствуетъ прямо на физическое, или химическое свойства нѣмѣста, но когда дѣло идетъ о будущемъ органическомъ измѣненн, то мы уже не понимаемъ цѣло будущаго. Явно представляется это будущее: это органическаго форма, выходящая въ себѣ существа, отъ котораго происходитъ и о которомъ сохраняла воспоминаніе.

Феномены органическаго созданія живыхъ существъ служатъ доказательствомъ указанной мною идею, а именно, что матерн не производятъ тѣхъ феноменовъ, которые обнаруживаютъ. Она составляетъ только substratum и даетъ имъ только условіе, посредствомъ которыхъ они обнаруживаются, то-есть, служатъ только посредникомъ для физиолога, чтобы дѣйствовать на феномены жизни. Почему эти условія должны подлежать строгому и абсолютному опредѣленію, составляющему основныи принципъ всаей экспериментальной науки. Явно, или процессъ зародка, составляетъ центръ питанія, и въ этомъ качествѣ служить условіемъ къ осуществленію идеи, передаваемой по наспѣдству, или въ органической традиціи. Явно, начиная протоканіе организма, совершаетъ возобновленіе существъ и дѣлается первоначальнымъ условіемъ жизни, до будущахъ феноменовъ жизни.

Когда наблюдають нѣтъ созданія живаго существа въ ядрѣ, то это не значитъ, что организмъ не есть сдѣланъ первобытною идею и передается по органической традиціи отъ одного существа къ другому. Въ экспериментальномъ изученн феноменовъ развитія тканей (гистогенеза) и организацин, можно навітн оправданіе словъ Гете, что «природа великій художникъ». Дѣйствительно, природа и искусство одинаково дѣйствуютъ въ идею о созданн. Въ зародкѣнн видимъ мы очеркъ существа прежде всаекаго организма. Обнаруженіе дѣла и органы просто обозначены являющъ въ слѣдствіе временнаго аппарата для зародка. На одна тѣла еше не отбавна; вся масса состоитъ изъ пластматическихъ ячекъ, но въ этой жизненной кавѣ очерченъ уже идеальнн рисунокъ невидимой для насъ организацин, которой заранѣе указавъ свой элементъ, свое мѣсто, свое устройство и свои качества. Тамъ, гдѣ должны быть кровяные сосуды, нервы, мускулы, кости, тамъ ячейки зародка превращаются въ кровяныя шаши, въ артеріальныя, вены, мускулы, нервныя ткани и кости. Организмъ не осуществляется въ ядрѣ, въ ядрѣ, то-есть, по нѣтъ осповнн, онъ совершается только постепенно, въ болѣе развитыхъ подробностяхъ.

Это не все. Сила живаго организма существуетъ не только въ ядрѣ или зародкѣнн, она продолжаетъ свое дѣло и въ юности, развивая въ немъ жизненноя феномены, потому что поддер-

живается питанием и возобновляется беспрепятственно матерью и качествами органических элементов живого организма. Следовательно, питание не что иное, как та же родоотборная сила, которая, при продолжении своих действий, все больше и больше ослабляется. Вот почему под названием органоорганических элементов до сих пор не понимают все элементы организации, питания или зрелости, как у зародка, так и у взрослых, потому что всё поддежеть одному и тому же закону.

Окружающая его физико-химическая условия управляют жизненными проявлениями зародка, яйца и всех других органических элементов. Мы выше видели, что присутствие кислорода производит феномены сжимаемости мускулов, движения и чувствительности в нервных, и ощущение в мозгу. Кислород сохраняет и тут то же влияние на проявление идеи, заключенной в яйце. Если оно не получает прямого, или косвенного действия от кислорода,

водительной силы, иметь у всех живых существ физико-химическая условия существования, которые мы можем постигнуть и на которых мы можем действовать, чтобы управлять гистологическими элементами.

Следовательно, физиология имеет столь же прочное и существенное основание в часах экспериментальных наук, как и бездушная глина. Конечно, это очень сложная задача, но она не составляет мечты, стараясь завоевать живую природу. У человека есть в руках орудия могущества его над живыми существами. Он ежедневно приобретает доказательства этому по разнообразным токсическим и медицинским средствам, которыми вызывают изменения в организмах. Физиология научает нас, что адм и лекарства действуют только тогда, как проникают внутрь органических элементов. С другой стороны, жизнеспособность элементов не может быть изменена иначе, как посредством физико-химических изменений, изъ которых сла-

б некоторых обстоятельствах останется в самом обыкновенном виде, сильно разовьется, если изменятся питательные условия. Изъявля их и привив организовывающую материю в периодическом состоянии, можно надбаться изменить направление зарождения, и следовательно, оочетельное выражение организации. Словом, ничто не мешает произведению новых организованных видов, точно также, как производит новые минеральные виды, т. е. мы в состоянии создать новые формы организмов, существующие в законах организации, но еще неосуществляющие самую природу.

Кафры.

Юг и север Африки представляют между собою чрезвычайные различия. На север идут караванные пути; Инд и Нигер составляют самый удобный водный путь, а магистратство представляет государственную и племенную

Предводители кафров съ ихъ жонами и святой.

то зарождение не может совершиться. Когда одобрение совершается внутри, кислород доходит до него посредством крови; при внешнем же влиянии, посредством воздуха. Если яйцо покрывается лаком, чтобы воздух не проникал в поры яйца, то зародыш не может развиться и дать жизнь новому существу. Точно также, если насыщение (инкубация) яйца происходит в спертном воздухе, зародение происходит только при существовании кислорода в воздухе, но останавливается, если этот газ превращается во время инкубации.

Словом, мы видим, что физиолог, обращаясь к условиям жизнеспособности разных гистологических элементов, может владеть всеми видами жизни, от простейших животных до высших животных, от простейших мускульных сжимаемости до выражения интеллигенции и до идеи прови-

дуть, что задача физиолога состоит в узнании: какие физико-химические специфические изменения благоприятствуют, нарушают, или вовсе уничтожают свойства разных гистологических элементов; но кроме прямого действия сильных агентов, как-то: ядов или медикаментов, физиолог может производить сильное и продолжительное действие на живые организмы изменениями гистологических элементов посредством питания. Посредством этого питания или растительного воздыхания производится известная изменения на растительных организмах. Происходят изменения в породе растений, или даже создаются новые виды. У животных бываете то же самое, и мы знаем, например, что полова и другая важная изменения завесит от пищи зародка. Гистологические элементы следуют органической традиции существ, от которых происходят, только когда они находятся в выгодных условиях питания. Простая животная или растительная ячейка, которая при

связь, достаточно для полубразованных народов. На югъ вѣтъ ничего, похожего на это. Тутъ караванные дороги для продажи невольниковъ не имѣютъ никакого сходства съ северными: рѣки Замбези, Ровума и др., несмотря на увѣренія Ливингстона, вовсе не образуютъ торговыхъ путей; наконецъ, на югѣ не имѣемъ мы ничего похожего на государство. Идооположенныя племена, соединивши подъ управленіемъ прославленныхъ предводителей, исчезаютъ совершенно вѣдѣе и мѣсто союзомъ занимаетъ прежнее разрозненіе. Только тамъ, гдѣ на югѣ явились бѣлые люди, англо-саксонскаго, или нидерландскаго племени, составились государства, принявшія въ свой союзъ цѣлныя люди. Правда, и они боронили за свое существованіе и за обладаніе этими странами, но оныя доказали, что, несмотря на многочисленность цѣлныя люди, бѣлые невпрямѣе вездѣ одерживаютъ верхъ. Эти темновѣдныя люди никогда не умѣли составить изъ себя ничего благоустроеннаго; оны всегдѣ

да оставался на стени варварства, а если что и давалось им, то по принуждению и вausштв.

Настоящий негр, тип которого занимают берега Гвинеи, не принадлежит к туземцам южной Африки. Тут были прежде другие народы, которых этнографическая классификация не вполне еще выяснена. Но можно, однако, определить, что от Мыса Доброй Надежды до экватора живут две большие группы народов, которые, подобно арабским племенам северной Африки, не принадлежат к неграм. Это готтенги и каеры.

С первыми одноплеменными бушменами, которых мы находим только на крайнем юге, хотя в прежние времена они существовали и во внутренней Африке, гдѣ и теперь встрѣчаются на Нгаземскомъ озерѣ. Но замѣлительно, что, какъ готтенги, такъ и бушмены, близки къ окончательному вымиранию, подобно первобытнымъ обитателямъ Австрали и Америки. Оба эти племена, какъ физически, такъ и этнографически, далеко отстали отъ каеровъ, и не имеютъ ничего общаго съ прочими африканскими народами.

Каеры живут от Мыса Доброй Надежды вдоль береговъ Индѣйскаго и Атлантическаго океановъ, а во внутреннихъ Африки до экватора и даже даѣе. Сходные съ неграми наружною, нравами и обычаями, они по языку далеко выше ихъ. Хотя они и раздѣлены на много племена, но об-

ны съ босыми ногами и во фракѣ войны, совѣтница и женщины.

Предводители эти потомственные: совѣтница носить въ ухѣ жезловую палочку; болѣ цивилизованные каеры одѣты во европейскіе, тогда какъ настоящіе каеры одѣты въ леопардову шкуру. Но и палудий, и полудивильзованный остался идеолоклономикомъ, несмотря на всѣ усилія мисіонеровъ. Если ибкотворые и принади крещеніе— это только одна наружная форма.

Около краала (деревня каеровъ) пасутся ихъ коровы и лошади. Бивня считается несчастнымъ животнымъ. Вооруженный стражи и металельные копья, а въ последние время и ружьемъ, каеры стоятъ топой, темнокраснаго цвѣта у своего стада и курятъ трубку, тогда какъ женщиныю предоставляютъ все домашняя работа. Вечеру стадо возвращается. Хижина каера истинно-африканская: круглая и кеглеобразная, изъ солома и циновки, а отъ муравьевъ защищена коровьимъ навозомъ. Внутри молочные сосуды, оружіе и циновки. Каеры горды, воинственны, хитры и умны, изъ пороковъ его главный—суетворіе. Несмотря на всѣ усилія его образованіе его, онъ остается нелюди варваромъ, хотя и превосходитъ прочія черныя племена.

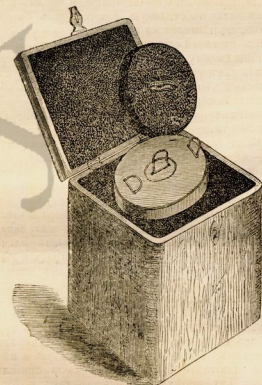
Пеканья въ Александринскомъ скверѣ.

Глядя на домики мадамъ Гебгардтъ, въ Болъ-

горшковъ изъ бѣлой жести, съ хорошо запирающенся крышкою и удобною рукою. Употребленіе аппарата состоитъ въ слѣдующемъ: горшокъ ставится на огонь и когда содержимое въ немъ суну, или другое кушанье, прокипитъ до 15-ти минутъ, горшокъ вдвигается въ вытолчанный ящикъ, который и закрывается. Волокно, дурной проводникъ тепла и горшокъ продолжаетъ въ своей оболочкѣ кипѣть еще нѣсколько времени, такъ что его можно употреблять по желанию. Черезъ пятнадцать часовъ, кушанья, приготовленные въ этомъ аппаратѣ, сохраняютъ еще температуру въ 50°. Горшокъ вытиски въ 15 минутъ и черезъ пять часовъ можетъ быть употребленъ въ пищу. Говядина и бобы тоже варятся 15 минутъ и употребляютъ черезъ четыре часа. Сухія овощи кипятятъ 15 минутъ и употребляютъ послѣ трехъ часовъ. Молочный рисъ и тому подобное кипятятъ 10 минутъ и употребляютъ черезъ три часа. Картофель варятъ только 8 минутъ и употребляютъ черезъ часъ. Эта метода варенья сберегаетъ много тепла и весьма пригодна во время путешествій. Эти аппараты разнакъ величина получаются у Копа, придворнаго поставщика въ Берлинѣ. Аппаратъ былъ на парижской всемірной выставкѣ.

Пеканья въ Александринскомъ скверѣ.

Норвежскій кухонный снарядъ.

разуютъ три народы, одну на восточномъ берегу, составляющую настоящихъ каеровъ; другую на западномъ берегу, или Конго, къ которому принадлежатъ злободѣ Филъ, и племена, живущія близъ береговъ Гвинеи; третью племя распространено во внутреннихъ странахъ.

Мы представляемъ снимки съ фотографическихъ портретовъ каеровъ, которые болѣе пришли въ соприкосновеніе съ европейцами и подчинились ихъ влеченію. Чѣмъ даѣе близки человекъ шолъ во внутренности Африки, тѣмъ тѣснѣе сблизился онъ съ каерами, и разумеется, тѣмъ враждебнѣе былъ съ ихъ отношеніи. Когда туземцы не хотѣтъ уже за бусы отдавать своего рогатаго скота, начинается война, продолжающаяся и до нашихъ временъ. Часто европейскія колоніи были близки къ совершенному истребленію, и до сихъ поръ формы голландцевъ (борзовки) болѣе похожи на кривоносы, нежели на сельскія жилища, потому что каеры безпрестанно и вездѣ нападаютъ на европейцевъ. Последняя большая война была въ 1848 году, когда завоевана была англійская Каверарія. Съ тѣхъ поръ нѣтъ уже серьезныхъ опасеній, потому что всѣ колоніи принадлежатъ состоятъ на жадными англійскими правительствомъ. Съ свободною странною закономъ былъ договоръ, который, однако, поддерживается кордонною войскою. Теперь большая часть каеровъ приняла зачатки европейской цивилизаціи, которая, однако, не проникла во внутреннія области. Карны, изображенные на нашемъ рисункѣ, всѣ изъ окрестностей Кингъ-Вильямъ-Тоуна. Около предводителей группирована-

шюи-Морской, у Почтаческаго мостика, подъ новою лютеранскою церквію, навѣ всегда приходятъ на память, при мысли о томъ, что совершалось въ этомъ приютѣ истерическихъ канкановъ и камелий, другое, гораздо болѣе скромное помѣщеніе, которое, двадцать лѣтъ назадъ, также мадамъ Гебгардтъ устроила для себя въ скверѣ у Александринскаго-театра. Въ этомъ скромномъ домикѣ, первымъ ея прославишемся потомъ особю, не показывавшимъ ни муміи, ни Пастрами, ни другія диковинки, а только вкусная еда, и сама хозяйка сызла поль называемъ хорошею воездницею, хотя ей и тогда уже было за тридцать. Не долго пользовалась известностью мадамъ Гебгардтъ, скоро приѣхалъ одинъ Петербургъ, но не приѣхалъ ей Петербургъ, и она вышла себѣ въ немъ болѣе теплый уголокъ, чѣмъ подлинная пеканья и болѣе сытное знаніе, чѣмъ печенье вавель. Какъ бы то ни было, но въ исторіи общественной жизни въ Петербургѣ мадамъ Гебгардтъ должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ, если не на ряду съ Ивановою Панаиоичею Назаровою, то и не ниже его.

Норвежскій кухонный снарядъ.

Этотъ практическій аппаратъ устроить въ видѣ ящика; его можно запереть и легко носить въ рубкѣ. Въ деревянномъ ящикѣ, обитомъ внутри волокомъ, помещается одинъ изъ нѣсколь-

Последніе дни июльской монархіи.
(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЦѢРКЪ.)

III.

Въ определенномъ по отягощенію двора часѣ собралась всѣ члены королевской фамиліи къ завтраку. Хотя Лун-Филиппъ и былъ сильно возмущенъ происходящими событиями, но онъ далеко не зналъ всей опасности своего положенія и никакъ не могъ вообразить себѣ, что это его послѣдній завтракъ въ Тюльери. Онъ употребилъ, тогда такіе популярныя званія, какъ Гертъ и Барро, указавъ все дѣло и что либеральное министерство оградило его династію отъ всякихъ катастрофъ.

А между тѣмъ, революція все усиливалась, подвигалась впередъ и подавала всѣ сопротивленія. И въ ту минуту, какъ король садился за столъ завтракать, у двора раздалась ружейная стрельба. Это была муниципальная гвардія, которая сильными ошеломи встрѣтила массы народа, хлынувшія съ площади Магдалины черезъ улицу Рояль и площадь Согагиса къ Тюльери. Въ эту же минуту вошли въ залу разгнѣванные Ренкомъ и Дюверже. Королева, увидя явля, побѣдѣла и спросила:

— Не случился ли чего серьезнаго?

Она и не знала, что всѣ эти дни происходили очень серьезныя дѣла въ Парижѣ, а не демонстраціи, не интриги, не скандалы. Лун-Филиппъ, забывъ изгнание бурбоновъ, пригласилъ свое семейство въ эти 18 лѣтъ почтять всякое народное движеніе — интригами.

ВЪ ЛЬТНЕМЪ САДУ.

Дочь. — Мама, что это за скверный такой старик, который дѣтей кушает?
Мать. — А онъ кушаетъ только тѣхъ, которые капризничаютъ... вотъ и тебя надо кушать, если будешь плакать.
Дочь. — Я вамъ не боюсь, я негу зубокъ ѣтъ... я вышла, какъ ты вечеромъ показывала этому дядѣ его зубы, которые онъ кушалъ у Ватейкина.

— Маман, отъ чего это прежнія дамы не носили на живопись, ни швей-
фовъ, ни шпильковокъ?
Отъ того, что онѣ были глупыя, еще необразованныя... у нихъ не было столько такихъ магазинъ, какъ на Нескомъ, но даже и такихъ ла-
вокъ, какъ у насъ въ Волчанскѣ.

Исполненіе этой оперы было не вполне удачно, и только г-жа Ларовская, цѣплясь съ огромными средствами и несомненными дарованиями, и которой мы уже говорили въ «Петербургскихъ писемъ», по поводу участія ея въ великодушныхъ концертахъ, исполнила отчужденно свою партію, требующую долгого, старательнаго изученія. Особенно хорошо исполнены были ея три втораго и четвертаго дѣйствія, доказавшія, что она также превосходная драматическая артистка. Г-жа Соловьева совершенно не следила съ партіей Евридика и передъ нами была не женщина, а кака-то плавающая и, притомъ, весьма неестественно-плаксивая барыня. Голосовыя ея средства, также не весьма обширны и оставались слабыми много. Г-жа Платонова была тоже Амуръ, очень невротичный. Хорошо, что партія его состоитъ только изъ двухъ небольшихъ арій. Хоръ исполнилъ свое дѣло толково и со вкусомъ. Звѣта мы замѣтили впадине замедленію темпа въ хоръ перваго дѣйствія.

Наконецъ, обстановка была весьма недурна, особенно послѣ того, что мы привыкли видѣть въ этомъ отношеніи на русской оперной сценѣ. Замѣтивъ только, что изображеніе ада (второй актъ) вовсе не повято декораторомъ и особенно костюмеромъ. Совершенно невсѣтати было отыскать въ тѣхъ уродливыхъ маскахъ, съ прибалкою еще въ нѣмъ роговъ и хвоста. Существованіе, принадлежность ада, была только «мрачная тѣнь», следовательно, честь того открытія, что у нихъ были громадные красные носы и рылы на сторону — принадлежать тѣмъ костюмеру, съ чѣмъ мы его не можемъ поздравить. Вопросъ этотъ дѣйстви- тельно важенъ и представлятъ въ оперѣ, строго основанной на древне-греческой мѣлодигіи, адъ, подлиннѣйшаго изобрѣтенія, очень неумѣстительно.

В.—

НЕКРОЛОГЪ.

† Въ Кіевѣ, 13-го апрѣля, послѣ мучительной болѣзни, ошарившій профессоръ хирургія Юлія Карловичъ Шиниловскій, 39 лѣтъ. Въ прошедномъ году онъ подвергся тяжелой и очень рискованной операціи, произведенной И. П. Шаровымъ. Слѣдствіемъ этой операціи и усиліемъ выздоровленія въ чужихъ краяхъ, началось восстановление его здоровья; возвративъ осенью въ Кіевъ, онъ принялся съ общиною ему ревностно, за преподавательскія и учебныя труды, но, къ несчастью, не надолго; возобновившаяся прежняя болѣзнь, повлекла новую операцію, котораго условіемъ болѣе успѣшнѣйшаго процесса, что самый вопросъ — отъ чего онъ умеръ — можетъ быть

рѣшимою только при помощи анатоміи, если сироводило, что покойникъ самъ выразилъ предсмертную волю, чтобы тѣло его было подвергнуто анатомическому вскрытію. Ю. К. Шиниловскій пользовался репутаціей искуснаго оператора, а ученые его труды доставили ему заслуженную известность въ чужбинской литературѣ. Его мѣсто занялъ ученикъ.

† Въ Магдаль императоръ Абисинія Георгіодоръ, который разсказывали столько дѣтелъ, что трудно разобрать, что въ нихъ правда и что вымыселъ. Его мать была бѣдная женщина, продававшая въѣздными слабые бѣдные куски. Слабо было, впрочемъ, нечестнаго самаго скромнаго, и только достигнувъ власти умомъ, хитростью, жестокостями и шатраномъ, она чѣмъ-то убрѣла, что онъ готовою парнямъ Саской и Соломона, и съдѣлалъ законнымъ владѣтелемъ Иерусалима. Въ своихъ дворахъ, онъ окружалъ себя амазомъ, пріямъ королевы Виторіи; съ европейцами былъ то ласковъ и старался привлечь ихъ въ Абисинію, то поступалъ съ ними варварски безъ всякой причины и заключилъ въ тюрьму Рассама и Камеронъ, наконецъ, вывелъ ихъ террирій Англію и абисинская экспедиція была рѣшена. Но великомъ слугѣ, Георгіодоръ человекъ съ жезловою волею. Чего ему стоило умерить всѣхъ мелкихъ пріятелей и измѣнщиковъ племени въ Абисинію, изъ которыхъ каждая хотѣла быть деспотомъ. Онъ учредилъ правительное правленіе, устроилъ войско, завелъ артерію и ввелъ до незначительнаго долгу цивилизацію въ эту часть Африки. Чортный императоръ былъ еще въ полной силѣ, съ красвою, востовенною наружностью, выраженною гордостью и энергію, но гордость и погубила его. Видя свое могущество надъ иными народами, онъ не могъ допустить мысли, что англичане осязались навасть на него. На самомъ дѣлѣ и въ Англію не надвигался, чтобы экспедиція въ Абисинію окочилась такъ скоро и бѣгательство. При высадѣ въ Зуллу, она встрѣтила столько препятствій, недостатковъ, непроходимыхъ дорогъ, что общественное мнѣніе начало роптать, когда впрямю разное извѣстіе, что ярлыкъ Магдада вага, абисинское войско сложило оружіе, а императоръ Георгіодоръ, оказавшій такую храбрость, найденъ мертвымъ. Онъ застрѣлился, иди, что для него все готово. Когда англичане ушли, все угнетенное Георгіодоромъ распустилось. Удивляясь, какъ онъ не бѣжалъ изъ Магдады, когда это было возможно. Извѣія военачальниковъ подтверждали на него очень сильно. Они сдались безъ боя и продали своего императора, обвиняя его въ жестокости.

† Въ Монарехъ (въ Канадѣ) убитъ въстрѣломъ въ революнера членъ парламента города Д'Арса Мак-Джиз (Mac-Geo). Это злодѣство произвело сильное впечатленіе только въ Канадѣ, но и въ Соединенныхъ Штатахъ. Убитый родился въ Ирландіи въ 1825 г. и семь лѣтъ отправился въ Америку, гдѣ поступилъ наборщикомъ въ типографію. Потомъ, онъ издавалъ въ Бостонѣ газету «Pilot» и возвратился въ Ирландію, принявъ редакцію газеты «Nations». Въ 1848 г. онъ участвовалъ въ революціонномъ движеніи и принужденъ былъ бѣжать въ Америку, гдѣ, вмѣстѣ съ Бисшономъ Митчелломъ, основалъ «American Col» и выбранъ былъ начальникомъ политическаго общества «Young Ireland». Послѣвшись въ Монарехъ, онъ совершенно превратилъ свои убѣжденія и изъ жаркаго радикала превратился въ строгого консерватора и защитника правительствъ. Вмѣнне его было сильно въ парламентахъ въ охъ одно время занималъ мѣсто въ министерствѣ. Его указывали какъ высателя и поэта и преданныхъ пріятельство считало его однимъ изъ великихъ защитниковъ королевы въ Канадѣ. Мак-Джизъ заплатилъ жизнью за то, что отказался служить дѣлу, которое защищалъ прежде. Онъ былъ осужденъ на смерть въ собраніи сената и убитъ его были повѣсочкой ярлыкомъ. Правительство назначило 20,000 доллоровъ за поимку убійцы.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

- Въ Дмитровѣ, В. В. 2-му. №№ 11-8, 12-8 и 13-8 были отправлены по ошибкѣ въ Дмитровскіе, Ордовскіе-губ. Теперь посылаемъ вамъ другіе.
- Въ Елишино, В. В. 2-му. Просимъ указать, если не получите номеровъ своевременно.
- Въ Торжокѣ, Н. Е. 1-му. №№ 1-8 и 10-8 посланы вамъ 13-го марта.
- Въ Коломенскѣ, въ книжн. маг. С. П. Я.—а. Первые №№ посланы 13-го марта.
- Въ Сусреетскій зав., А. Ф. К.—у. Нумера посылаются вамъ съ 22-го января.
- Въ с. Топкино, Д. Ф. 1-му. Нумера посланы вамъ 15-го марта. Просимъ уведомить, если не получили.
- Въ Слободскій, т. Дл. 1-му. Нумера посланы вамъ 13-го марта.
- Въ Пензу, П. Н. 2-му. «Иллюстрирован. Газета» посланы вамъ съ 13-го марта. № 49-й высылается.
- Въ Меридорѣ, А. Р. Е.—у. Посылается съ 13-го марта.
- Въ Елабугу, Н. А. 2-му. Журналъ высылается съ 13-го марта.
- Въ сел. Владиміровское, о. С. П.—у. Высылается съ 9-го марта.
- Въ Одессу, К. М.—у. Отглавленія отправлены вамъ вторично 13-го апрѣля.
- Въ Зарюль, В. И. 1-му. Нумера посланы 13-го апрѣля. В. Словинскій, т. уадовъ, н. к. Нумера посланы апрѣля 13-го апрѣля.
- Въ Кесмы, Д. С. Ф.—у. № 4-й посланы вамъ января 26-го, № 5-й — февраля 3-го.
- Въ Пензу, т. М. С.—у. № 1-й посланы вамъ вторично 3-го апрѣля.
- Въ Тулу, М. Р. 1-му. Нумера 1-й и 2-й высланы вамъ вторично 8-го апрѣля.
- Въ Коломенскій зав., т. Л. К.—у. № 1-й высланы вторично 3-го апрѣля.
- Въ Омель, т. С.—у. № 8-й высланы вторично 8-го апрѣля.
- Въ Елецѣ, т. В. К.—у. № 10-й высланы вторично 8-го апрѣля.
- Въ Кутаисѣ, т. П. В.—у. № 2-й высланы вторично 8-го апрѣля.
- Въ Крестцы, В. И. Т.—у. № 9-й высланы вторично.
- Въ Вильно, Н. С. 1-му. № 12-й высланы вторично.
- Въ Арзамасѣ, Г. К.—т. № 2-й высланы вторично.
- Въ Пензу, т. В.—у. № 4-й высланы послать 27-го января. Теперь посылаемъ вторично.